ДЕКАРТЪ

О МЕТОДѢ

для правильнаго развитія разума и для изысканія истины въ наукахъ.

Перев. съ Французскаго М. М. СКІАДА

съ приложеніемъ статьи

О ДЕКАРТѢ И ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

Изданіе Г. М. Веселовскаго.

ВОРОНЕЖЪ
1873 г.
Типографія Г. М. Веселовскаго.

Дозволено цензурой. Москва. 25 августа 1873 г.

О
МЕТОДѢ ДЛЯ ПРАВИЛЬНАГО РАЗВИТІЯ УМА И ДЛЯ ИЗЫСКАНІЯ ИСТИНЫ ВЪ НАУКАХЪ.

Первая часть.

Здравый смыслъ есть самая распространенная вещь на свѣтѣ: потому что всякій считаетъ себя настолько имъ одареннымъ, что и тѣ, которыхъ особенно трудно удовлетворить въ какихъ-либо другихъ отношеніяхъ, не находятъ нужнымъ желать этого смысла болѣе, чѣмъ сколько его имѣютъ. Неправдоподобно, чтобы такой взглядъ на здравый смыслъ происходилъ отъ ошибки, скорѣе же можно заключить, что способность разсуждать и различать истинное отъ ложнаго, составляющая въ точности то, что называютъ здравымъ смысломъ, или разсудкомъ, по самой природѣ своей одинакова во всѣхъ людяхъ. Также надобно думать, что различіе въ нашихъ мнѣніяхъ происходитъ не отъ того, что одни люди болѣе имѣютъ разсудка, чѣмъ другіе, а отъ того только, что мы направляемъ различно наше мышленіе и не одни и тѣ же данныя разсматриваемъ при нашихъ обсужденіяхъ Но недовольно имѣть здравый смыслъ, гораздо важнѣе умѣть его хорошо прилагать къ дѣлу. Люди съ величайшими душевными способностями могутъ имѣть величайшіе пороки, какъ и величай-

шія добродѣтели, и тѣ, которые двигаются очень медленно, могутъ скорѣе достигать цѣли, слѣдуя постоянно прямому пути, чѣмъ тѣ, которые двигаются быстро, но уклоняются отъ прямаго направленія.

Что касается меня, то я никогда не приписывалъ своему уму какого либо превосходства въ сравненіи съ обыкновенными умами: напротивъ того, я часто желалъ имѣть такую же, какъ у нѣкоторыхъ другихъ, быстроту соображенія, или такое же пылкое воображеніе, или такую же обширную и твердую память. И я не знаю другихъ качествъ, могущихъ возвышать умъ, кромѣ вышеисчисленныхъ: потому что, относительно разума или смысла, именно того, что насъ дѣлаетъ людьми и отличаетъ отъ *скотовъ*, я держусь мнѣнія, что онъ во всей цѣлостности своей имѣется въ каждомъ изъ насъ, слѣдую, по этому вопросу, общему мнѣнію философовъ, утверждающихъ, что понятія о бóльшемъ или меньшемъ, приложимы только къ *частностямъ*, но никакъ не къ общей *формѣ* или къ существу *особей* одного *рода*.

Не побоюсь высказать, что въ теченіи моей жизни много было полезно употребленнаго времени, и что съ самыхъ юныхъ лѣтъ, я попадалъ на пути, которые привели меня къ взглядамъ на жизнь и правиламъ, доставившимъ мнѣ, въ свою очередь, возможность найти для себя систему, увеличивавшую постепенно мое знаніе. Эта система, какъ мнѣ, кажется, долженствуетъ возвысить мое знаніе до высшей, для меня доступной, степени, по ограниченности моего ума и краткости моей жизни. Я такъ говорю потому, что уже имѣлъ отъ своей системы плоды, и хотя, при обсужденіи своего собственнаго достоинства, всегда склоняюсь болѣе къ недовѣрію, чѣмъ къ увѣренности въ самомъ себѣ, а также, разсматривая философски различныя дѣйствія и предпріятія людей, почти всѣ признаю ихъ

пустыми и безполезными, тѣмъ не менѣе, не могу не восхищаться тѣми успѣхами въ изысканіи истины, которыхъ я уже добился. Но могу не питать, притомъ, такой надежды на будущее, что если изъ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ, чисто человѣческихъ, есть хотя одно положительно хорошее и стоющее вниманія, то, смѣю думать, что я именно избралъ такое дѣло. *)

Впрочемъ, очень можетъ быть, что я и ошибаюсь, и принимаю немного мѣди и стекла за золото и бриліанты. Я знаю, насколько мы подвержены ошибкамъ въ томъ, что касается насъ самихъ, и знаю также, съ какимъ сомнѣніемъ надо относиться къ сужденіямъ нашихъ друзей, высказаннымъ въ нашу пользу. Но мнѣ желательно въ этой рѣчи раскрыть для другихъ тѣ пути, которымъ я слѣдовалъ, и представить на общій судъ мою жизнь какъ на картинѣ, имѣя въ виду—изъ мнѣній общества о моей жизни извлечь для себя новый способъ къ увеличенію моихъ познаній и прибавить его къ тѣмъ способамъ, которыми я до сего времени пользовался.

Такимъ образомъ, въ этомъ сочиненіи, я не имѣю намѣренія поучать системѣ, которой долженъ каждый слѣдовать для развитія своего разума: но только показать другимъ, какъ я старался управлять своимъ собственнымъ разсудкомъ. Тѣ, которые берутъ на себя поученіе другихъ людей, должны ставить себя выше поучаемыхъ; и за то, при малѣйшей ошибкѣ, подлежатъ строжайшему осужденію. Но, такъ какъ я предлагаю это сочиненіе не болѣе какъ исторію, или, если хотите, какъ басню, въ которой найдутся примѣры, заслуживающіе и незаслуживающіе подражанія, то надѣюсь, что мой трудъ принесетъ нѣкоторымъ пользу, не сдѣлавъ никому вреда, и что всѣ одобрятъ мой безпристрастный взглядъ на собственное произведеніе.

---

*) Для писателя XVII столѣтія подобное выраженіе не составляетъ большой нескромности. Примѣч. Переводчика.

Я съ малолѣтства занимался науками и, какъ меня увѣряли, что именно въ наукахъ я найду познаніе ясное и вѣрное всего полезнаго для жизни, то пламенно желалъ ихъ изучать. Но какъ скоро оконченъ былъ мною курсъ наукъ, дающій право на вступленіе въ ряды ученыхъ, мнѣніе мое въ наукахъ совершенно измѣнилось, потому что я увидѣлъ себя подавленнымъ такимъ множествомъ сомнѣній и заблужденій, что казалось мнѣ извлекъ изъ ученія только ту пользу, что вполнѣ убѣдился въ своемъ невѣжествѣ. А между тѣмъ, я учился въ одномъ изъ знаменитѣйшихъ училищъ Европы, въ которомъ, какъ я полагалъ, скорѣе чѣмъ гдѣ либо на свѣтѣ должны были находиться ученые люди. Я учился тому же, чему и другіе учились, и даже, не довольствуясь преподаваемымъ, читалъ всѣ попадавшіяся мнѣ книги, относительно самыхъ любопытныхъ и рѣдкихъ познаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ извѣстны были мнѣнія другихъ о моей учености, и я не замѣчалъ, чтобы меня ставили ниже моихъ соучениковъ, хотя между этими послѣдними были и такіе, которые предназначались занимать впослѣдствіи мѣста учителей. Наконецъ, нашъ вѣкъ казался мнѣ не менѣе процвѣтающимъ и не менѣе плодовитымъ на замѣчательные умы, какъ и любой изъ предъидущихъ вѣковъ. Всѣ эти соображенія давали мнѣ право судить по самому себѣ и обо всѣхъ другихъ людяхъ, и прійти къ такому заключенію, что нѣтъ ни одной науки на свѣтѣ, которая была бы въ самомъ дѣлѣ наукой, какъ мнѣ прежде этимъ напрасно набивали голову.

Я не переставалъ, однакожъ, давать извѣстное значеніе школьнымъ упражненіямъ; я зналъ, что языки, которымъ обучаютъ въ школахъ, необходимы для пониманія древнихъ книгъ, что остроуміе басенъ пробуждаетъ дѣятельность ума, что историческое повѣствованіе о замѣчательныхъ дѣяніяхъ возвышаетъ умъ и помогаетъ развитію разсудка

(если только это повѣствованіе изучать съ разсужденіемъ), что вообще чтеніе всякихъ хорошихъ книгъ есть какъ бы бесѣда съ лучшими людьми прошедшихъ вѣковъ, и притомъ—бесѣда особенно полезная, такъ такъ эти лучшіе люди сообщаютъ намъ только лучшія свои мысли. Я зналъ, что въ краснорѣчіи есть сила и красота несравненная, что поэзія богата тонкостями и прелестями восхитительными, что математическимъ наукамъ принадлежатъ самыя хитрыя изобрѣтенія, служащія какъ для удовлетворенія любопытства, такъ для развитія всѣхъ искусствъ и для уменьшенія физическаго труда людей. Я зналъ, что Богословіе открываетъ путь ко спасенію души, что философія сообщаетъ искусство говорить правдоподобно обо всемъ и приводить въ удивленіе малознающихъ, что юриспруденція, медицина и другія науки приносятъ почести и богатства тѣмъ, которые ихъ изучаютъ, и, наконецъ, я находилъ полезнымъ для человѣка знакомиться со всѣми науками, даже основанными на суевѣріи и вполнѣ ложными,— хотя бы съ цѣлью опредѣленія ихъ истиннаго значенія и избѣжанія возникающихъ отъ такихъ наукъ заблужденій.

Но я находилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что достаточно уже употребилъ времени на изученіе языковъ, и даже на чтеніе древнихъ книгъ, древней исторіи и басенъ; потому что бесѣдовать съ древними тоже самое, что и путешествовать. О путешествіяхъ же скажу: полезно имѣть понятіе объ обычаяхъ различныхъ народовъ, чтобы судить здраво объ обычаяхъ своей родины, и чтобы не находить всего того смѣшнымъ или глупымъ, что не согласно съ нашими привычками, какъ думаютъ люди ничего не видавшіе на свѣтѣ, кромѣ своего муравейника, но когда слишкомъ долго путешествуютъ, то становятся, наконецъ, чужеземцами въ своемъ собственномъ отечествѣ. Такъ точно, когда слишкомъ увлекаются изученіемъ жизни прошедшихъ вѣковъ, то обыкновенно остаются въ великомъ невѣдѣніи относи-

тельно того, что совершается въ настоящемъ. Кромѣ того, басни заставляютъ насъ признавать возможнымъ многое, положительно не возможное, и о самыхъ правдивыхъ исторіяхъ можно замѣтить, что если въ нихъ факты не измѣняются и не преувеличиваются для того, чтобы возвысить важность разсказа въ глазахъ читателя, то непремѣнно уже самые достойные презрѣнія и незначительные факты опускаются, вслѣдствіе чего, все остальное представляется намъ не таковымъ, каковымъ оно было на самомъ дѣлѣ. Люди, которые принимаютъ подобныя исторіи за руководство для своихъ дѣйствій, легко впадаютъ во всѣ безумства паладиновъ нашихъ рыцарскихъ романовъ и способны затѣвать предпріятія, превышающія ихъ силы.

Я очень уважалъ краснорѣчіе и страстно любилъ поэзію; но я полагалъ, что то и другое было болѣе плодами природныхъ умственныхъ дарованій, чѣмъ плодомъ науки. Тѣ, которые разсуждаютъ здраво и наиболѣе обсуждаютъ свои собственныя идеи для приданія имъ возможной ясности и удобопонимаемости, тѣ лучше другихъ съумѣютъ убѣждать въ справедливости своихъ предложеній, хотя бы они объяснялись только на нижне-бретонскомъ нарѣчіи и никогда бы не изучали риторики. Также и тѣ, которыхъ воображеніе наиболѣе игриво и которые могутъ выражать свои фантазіи картинно и увлекательно, обладаютъ даромъ поэзіи, хотя бы и вовсе были незнакомы съ піитикой.

Мнѣ въ особенности нравились математическія науки за ихъ точность и доказательность, но я, не понимая прежде ихъ истиннаго значенія, и думая, что они могли быть приложимы къ однимъ механическимъ искусствамъ, удивлялся, какъ на такихъ твердыхъ и прочныхъ основаніяхъ, каковы математическія истины, не воздвигнули до сего времени чего-нибудь поважнѣе знанія механики. Я видѣлъ въ этомъ противоположность съ твореніями древнихъ язы-

ческихъ писателей о нравственности, которыя сравнивалъ съ великолѣпными дворцами, построенными, однакожъ, на пескѣ и грязи. Въ этихъ твореніяхъ добродѣтели возвеличиваются и ставятся превыше всего на свѣтѣ, но познаніе самыхъ добродѣтелей сообщается слишкомъ недостаточное, такъ что нерѣдко, подъ прекраснымъ именемъ добра, у древнихъ авторовъ является: или безчувственность, или гордость, или отчаяніе, или даже преступленіе отцеубійства.

Я благоговѣлъ предъ нашимъ Богословіемъ и не менѣе кого-либо другаго надѣялся найти въ немъ путь къ своему спасенію, но, узнавши навѣрное, что путь этотъ настолько же открытъ для людей самыхъ невѣжественныхъ, какъ и для самыхъ ученыхъ, и что истины откровенія превыше нашего разумѣнія, я не осмѣлился обсуждать послѣднія моимъ слабымъ разумомъ, и даже нашелъ, что для успѣха въ подобномъ дѣлѣ необходима помощь свыше, или надобно быть болѣе, чѣмъ человѣкомъ.

Я ничего не скажу о философіи, кромѣ того, что хотя она и была развиваема въ теченіи многихъ вѣковъ лучшими умами, не заключаетъ, однакожъ, въ себѣ пока ничего безспорнаго, ничего неподлежащаго сомнѣнію, а потому, надобно быть особенно самонадѣяннымъ, чтобы ожидать отъ себя полученія большей отъ философіи пользы, чѣмъ другіе. Обративъ вниманіе на то, сколько можетъ быть несогласныхъ философскихъ мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ, и при томъ мнѣній, поддерживаемыхъ ученѣйшими людьми, тогда какъ истинное мнѣніе должно быть всегда только одно, я прямо призналъ почти что за ложное все, что было не болѣе какъ правдоподобнымъ въ философскихъ ученіяхъ.

Что касается до остальныхъ наукъ, *) именно тѣхъ, которыя заимствуютъ свои начала изъ философіи, то я не могъ ожидать отъ нихъ какого-либо дѣйствительнаго научнаго знанія при ихъ шаткихъ основаніяхъ. Ни почести, ни матеріальныя выгоды, которыя эти науки обѣщаютъ ученымъ, не могли меня склонить къ ихъ изученію, тѣмъ болѣе, что, благодаря Бога, я не въ такомъ былъ положеженіи, чтобы обращать науку въ ремесло, ради поправленія своего состоянія, а также, хотя я, подобно циникамъ, и не презираю славы, но ставлю ни во что такую извѣстность, которая пріобрѣтается не заслуженно. Наконецъ, что касается до нѣкоторыхъ мнимыхъ наукъ, то я довольно былъ уже свѣдущъ, чтобы не даваться въ обманъ: ни обѣщаніямъ алхимика, ни предсказаніямъ астролога, ни плутовству магика, ни вообще хитрости или самохвальству тѣхъ, которые промышляютъ выставленіемъ на показъ знанія, котораго не имѣютъ.

Вслѣдствіе всего этого, я оставилъ занятія науками, какъ скоро возрастъ позволилъ мнѣ выйдти изъ подъ зависимости моихъ учителей. Принявши твердую рѣшимость не имѣть другаго просвѣщенія, кромѣ того, которое можетъ найтись во мнѣ самомъ или въ великой книгѣ міра, я посвятилъ остатокъ моихъ юношескихъ лѣтъ: на путешествія, на обозрѣніе дворовъ и армій, на посѣщеніе людей различныхъ нравовъ и званій, на различныя наблюденія, на испытанія самаго себя въ разныхъ случайностяхъ жизни, и, при всемъ этомъ, на размышленіе о встрѣчающемся мнѣ для извлеченія чего-нибудь для себя полезнаго. Я предпочелъ такія занятія наукамъ потому, что мнѣ казалось, что я встрѣчу болѣе истины въ разсужденіяхъ, которыя дѣлаетъ каждый человѣкъ по обстоятельствамъ, прямо къ нему относящимся и за ошибку въ которыхъ онъ наказывается самыми фактами,

*) Декартъ говоритъ здѣсь объ юриспруденціи и медицинѣ.
Прим. Перевод.

сужденій. У Декарта позитивизмъ выражается совсѣмъ иначе: являясь какъ-бы противникомъ позитивизма, Декартъ, подъ вліяніемъ своего генія, невольно самъ себя поражаетъ и оканчиваетъ свои философскія изысканія отреченіемъ отъ апріорическихъ теорій и признаніемъ позитивизма. Въ сочиненіи Декарта ярко выразилась безплодность дедуктивныхъ умствованій, основанныхъ на апріорическихъ началахъ, и значеніе научной индукціи, какъ единственнаго способа для отысканія истинъ. Декартъ безпрестанно не согласенъ самъ съ собой и, по отношенію къ связности и цѣльности системы, его философское произведеніе не только нельзя назвать образцовымъ, но даже нельзя и поставить очень высоко, тѣмъ не менѣе, по отношенію къ добросовѣстности сужденій и къ тѣмъ умственнымъ плодамъ, которые оно можетъ принести, его надобно признать очень важнымъ. Въ этомъ произведеніи ясно отражается отчаянная борьба сильнаго разума съ тяжелою ношею предвзятыхъ идей, борьба непріятная для приверженцовъ предвзятыхъ идей, но имѣющая большое значеніе для противниковъ этихъ идей. За непослѣдовательность Декарта осудить легко, но въ упорной, до абсурдовъ доходящей послѣдовательности въ развитіи апріорическихъ началъ (столь удовлетворяющей многихъ), какъ многихъ мнимо-великихъ мыслителей древнихъ и новыхъ, упрекнуть его нельзя. Декарта я уподобляю человѣку, стоящему на распутьи и колеблющемуся въ выборѣ одной изъ двухъ дорогъ: гладкой и удобной, но приводящей путника назадъ,—и трудной, но ведущей его впередъ. Хотя направленіе того и другаго пути рѣшительно выясняется для знаменитаго мыслителя, но выборъ состояться не можетъ, потому что тяжесть апріорической ноши склоняетъ путника къ легкому пути, а развитой смыслъ въ тоже время влечетъ на трудный путь, и оба указанія дѣйствуютъ равносильно. Апріористъ можетъ кричать сколько ему угодно, почему Декартъ никуда не пришелъ, но позитивистъ, очень мало интересуясь парадомъ круговаго движенія философскихъ теорій, найдетъ въ колебаніяхъ Декарта для себя опытъ и наставленіе, которыя избавятъ его отъ подобнаго же положенія на каждомъ распутьи. Опытъ Декарта тѣмъ большую получаетъ важность, что ограниченность числа

положительныхъ отвѣтовъ, даваемыхъ въ настоящее время наукою на наши вопросы, дѣлаетъ для каждаго возможнымъ подобное колебаніе даже на полпути. Мы безпрестанно встрѣчаемъ жалкіе примѣры, что люди свертываютъ, по милости одного вопроса, который они не успѣли разрѣшить, съ научнаго пути и принимаютъ какое-нибудь фантастическое направленіе. Но можетъ быть этого не случилось-бы съ ними, если-бы передъ глазами ихъ былъ опытъ геніальнаго человѣка, изыскивавшаго пути какъ научные, такъ и не научные.

Чтобы еще яснѣе представить мой взглядъ на „Методъ" Декарта и на отношеніе этого произведенія къ позитивному ученію, я сдѣлаю краткое обозрѣніе содержанія „Метода." Хотя Декартъ раздѣлилъ свое сочиненіе на шесть частей, но въ немъ заключается собственно четыре главныхъ части, съ замѣчательно-разнообразнымъ содержаніемъ. Въ первой части [1-й, 2-й и 3-й части „Метода"] заключается собственно изысканіе системы для познаванія истинъ въ наукахъ. Во второй части [4 часть по раздѣленію Декарта] Декартъ строитъ свою систему міровоззрѣнія; въ третьей части [5 часть по раздѣленію Декарта] старается указать развитіе и приложеніе этой системы, а четвертая часть [6 по раздѣленію Декарта] посвящается оправданію принятой имъ системы, но оканчивается почти полнымъ ея отрицаніемъ. Декартъ начинаетъ, какъ и большая часть дедуктивныхъ философовъ, съ отрицанія научныхъ началъ и всѣхъ знаній человѣческихъ, причемъ довольно мѣтко поражаетъ современныя схоластическія науки. Одни математическія науки [чистой математики] онъ считаетъ за полезныя, именно по ихъ пригодности для упражненія нашего ума, объ остальныхъ же отзывается почти какъ о совершенно безполезныхъ. Разсчитавшись съ современнымъ научнымъ знаніемъ, французскій философъ переходитъ къ отысканію собственно метода для открытія истины и внезапно является передъ удивленнымъ читателемъ позитивистомъ и однимъ изъ основателей индуктивной методы. Знаменитыя его четыре логическихъ правила суть правила индуктивнаго метода, тѣ начала, помощью которыхъ развивается положительное знаніе. Читая его логическія основанія, а по-

томъ указаніе на ту роль, которую онъ предполагаетъ дать математической теоріи [чисто повѣрочную] при своихъ изслѣдованіяхъ, читатель уже ожидаетъ полнаго развитія позитивной теоріи. Читатель ожидаетъ, что великій мыслитель выскажетъ ясно: что индукція—есть путь къ открытію истинъ, а дедукція—есть способъ для повѣрки уже открытаго, и что только по совершеніи того и другаго процесса мышленія относительно каждаго вопроса является положительное человѣческое знаніе. Читатель ожидаетъ, наконецъ, что Декартъ отвергнетъ возможность изысканія истинъ дедуктивнымъ путемъ на основаніи апріорическихъ началъ и поставитъ каждый методъ на принадлежащее ему мѣсто, но этихъ выводовъ не-оказывается, и последнее слово не высказано. Декартъ останавливается на самой грани позитивной теоріи и не идетъ далѣе именно потому, что онъ не могъ уяснить себѣ истиннаго значенія, настоящей роли каждаго изъ способовъ мышленія и не постигнулъ совершенной противоположности въ тѣхъ началахъ, съ которыхъ начинаетъ свою работу тотъ или другой методъ. Такъ, въ индукціи, какъ начинающей свою работу съ низшаго и частнаго, началами или простѣйшими данными могутъ быть только конкретныя понятія, а послѣдними выводами—понятія наиболѣе абстрактныя, тогда какъ дедукція начинаетъ наоборотъ, съ того самаго, чѣмъ кончаетъ индукція, т. е. съ понятій абстрактныхъ, которыя и признаетъ за простѣйшія начала. Этой существенной разницы непостигнулъ Декартъ и потому начинаетъ свою вторую часть съ обыкновенной ошибки философовъ дедуктистовъ—съ принятія апріорическихъ началъ. Предполагая, что онъ направляетъ свое мышленіе въ индуктивномъ порядкѣ, французскій философъ принимаетъ, однакожъ, за простѣйшія начала—понятія абстрактныя, послѣ чего ему ничего не остается дѣлать какъ строить рядъ дедукцій, такъ какъ индуктивный методъ невозможенъ при исходѣ отъ абстрактныхъ началъ. Нельзя сказать, чтобы Декартъ совсѣмъ не сознавалъ этой несообразности, потому что въ третьей части сочиненія [гдѣ онъ развиваетъ свою теорію], онъ усиливается дать индуктивный оборотъ своимъ изысканіямъ, желая показать, что не потерялъ изъ виду найденныхъ имъ правилъ для отличенія истинаго отъ ложнаго и сомнительнаго,

и, разумѣется, дѣлаетъ только одни безполезныя усилія - дедукція остается дедукціей и все является доказаннымъ потому только, что согласно съ принятыми a priori началами. Въ третьей своей части Декартъ даже особенно падаетъ, потому что вторая часть имѣетъ за собою хотя то достоинство, что принятыя въ ней апріорическія начала принадлежатъ Божественному откровенію, тогда какъ апріорическія начала третьей части суть мнимо-научныя измышленія самаго Декарта.

Четвертая часть „Метода" представляетъ какъ бы отдѣльно написанную, позднѣе всего предъидущаго, статью полемическаго содержанія. Въ ней Декартъ старается защитить свою систему міровоззрѣнія отъ нападокъ нѣкоторыхъ противниковъ, но приходитъ къ такимъ выводамъ, какихъ какъ будто и самъ не ожидалъ, принимаясь за статью. Болѣе или менѣе, французскій философъ сознается въ бездоказательности своей системы, и соглашается съ тѣмъ, что она не можетъ имѣть практическаго приложенія, вслѣдствіе того, какъ онъ говоритъ, что затрудняется постоянно въ выборѣ, изъ найденныхъ имъ началъ, того, которое должно подойти къ данному случаю или явленію. Начала его теоріи оказываются настолько несвязанными съ конкретными явленіями, что всякое изъ этихъ началъ пригодно для объясненія явленій или, лучше сказать, ни одно изъ нихъ не оказывается пригоднымъ для объясненій, а потому Декартъ и указываетъ въ заключеніе на опытъ и наблюденія, какъ на якорь спасенія. Вообще идею всей послѣдней части можно выразить такими словами, какъ бы обращенными отъ автора къ читателямъ: я Декартъ сомнѣваюсь въ своей системѣ міровоззрѣнія, почему и предоставляю каждому принимать ее или не принимать, самъ же я намѣренъ заняться опытами и наблюденіями, что изъ нихъ выведу, то уже будетъ вѣрно. Совѣтую и другимъ заняться опытами отъ меня особо, такъ какъ этимъ только путемъ, при трудѣ многихъ лицъ, пріобрѣтется потребная для человѣчества масса знаній.—Но, замѣтятъ мнѣ, заключеніе „Метода" не показываетъ того, чтобы Декартъ оставался постоянно въ колебательномъ положеніи, какъ это выражено выше, если принять во вниманіе, что послѣдніе выводы „Метода"

не противорѣчатъ позитивной теоріи. Къ сожалѣнію, нельзя измѣнить взгляда на Декарта по отношенію къ колебательному его положенію, такъ какъ, послѣ своего „Метода", Декартъ издавалъ почти одновременно произведенія совершенно противоположнаго характера и постоянно усиливался соединить оба метода, индуктивный и дедуктивный, въ одно, посредствомъ смѣшенія ихъ началъ. Декартъ никакъ не хотѣлъ сознать, что одновременно невозможно плыть и по теченію, и противъ теченія рѣки.

Какая грубая ошибка, скажетъ читатель! Дѣйствительно, грубая, но нельзя не припомнить при этомъ того, сколько людей, и людей далеко нерядовыхъ, дѣлали, дѣлаютъ и будутъ дѣлать ту же ошибку, и много ли есть способныхъ плыть неуклонно къ источникамъ знанія противъ теченія. Если такихъ людей теперь болѣе, чѣмъ было ихъ прежде, и если для насъ легче избѣжать грубой ошибки, то это можетъ быть потому только, что мы нашли въ позитивной теоріи такую же двигательную силу, какую нашло судоходство въ силѣ пара и, продолжая это, можетъ быть слишкомъ смѣлое сравненіе, я позволю себѣ напомнить о томъ множествѣ людей, которое такъ охотно плыветъ внизъ по теченію въ пространное море невѣжества.

Я не многое прибавлю къ предъидущему, чтобы отвѣчать на вопросъ: почему именно для русской публики не мѣшаетъ познакомиться съ Декартомъ? Такъ какъ этотъ переводъ предназначается для публики не только читающей, но и интересующейся философскими вопросами, то нѣтъ надобности повторять вышеизложенное для доказательства той пользы, которая можетъ получиться отъ знакомства съ „Методомъ" Декарта. Сдѣлаю, однакожъ, нѣсколько замѣчаній. Во первыхъ, что сочиненіе Декарта написано въ оригиналѣ языкомъ малодоступнымъ для самихъ французовъ, вслѣдствіе совершенно латинскаго оборота рѣчи, а потому знакомиться съ Декартомъ по оригиналу, безъ перевода, довольно затруднительно для русскихъ. Знающіе хорошо французскій языкъ, разумѣется, могутъ читать „Методъ," но чтеніе это отобьетъ охоту отъ изученія Декарта у самыхъ боль-

шихъ любителей философіи. Во вторыхъ, чѣмъ менѣе развито общество, тѣмъ болѣе требуется вспомогательныхъ средствъ для распространенія среди него научной теоріи, а русское общество находится именно въ такомъ положеніи, что вспомогательныя средства и всякія введенія въ науку для него необходимы. Можетъ быть, въ западной Европѣ найдутся цѣлые кружки людей хорошо образованныхъ, для которыхъ творенія Декарта—не болѣе какъ частица изъ исторіи позитивизма, но для нашей публики они имѣютъ гораздо большее значеніе. Со стыдомъ, но надобно признаться, что для насъ Декартъ почти что современникъ, такъ какъ для большинства нашихъ, даже вполнѣ грамотныхъ людей, понятія о научныхъ способахъ изыскивать истину, также новы, какъ и для людей XVII вѣка въ западной Европѣ. Правда, что говорящихъ совершенно европейскимъ языкомъ среди насъ довольно, но это нисколько не мѣшаетъ большинству говорящихъ оставаться истыми схоластиками, тайными или явными поборниками схоластицизма, и противниками, не только положительныхъ научныхъ знаній, но и той теоріи, которая указываетъ путь къ пріобрѣтенію такихъ знаній. Наше научное развитіе, прошедшее и настоящее, есть схоластическое, ничѣмъ не отличающееся отъ схоластики среднихъ вѣковъ, кромѣ развѣ меньшимъ педантизмомъ, что, однакожъ, должно признать только послѣдствіемъ нашего народнаго нерасположенія къ педантизму. Мы и теперь еще не пережили схоластическаго періода, а потому многія изъ нападокъ Декарта на современное ему направленіе въ наукахъ, очень идутъ къ намъ; такъ, напримѣръ, разсужденія Декарта о значеніи классицизма какъ будто писаны для насъ. Я никакъ не хочу выразить этимъ замѣчаніемъ того, чтобы считалъ твореніе Декарта полезнымъ для русской публики ради какихъ-либо частностей „Метода“, тѣмъ не менѣе не считаю эти частности и совсѣмъ лишенными интереса для русскаго читателя. Вообще, я прихожу къ такому выводу, что если „Методъ“ Декарта полезенъ какъ введеніе въ позитивную философію для западно-европейскихъ мыслителей, то тѣмъ болѣе онъ полезенъ для русскихъ любителей философскихъ изысканій. Равнымъ образомъ, я убѣжденъ и въ томъ, что, издавая въ свѣтъ книгу подобную „Ме-

тоду", надобно не того бояться, чтобы публика признала ее стоящею ниже своего развитія и потому излишнею, а, наоборотъ, надобно бояться излишне-высокой оцѣнки подобнаго произведенія. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, не смотря на опасеніе заслужить упрекъ въ излишнемъ авторскомъ самолюбіи, я позволю себѣ даже просить читателей перевода—не пропускать настоящаго введенія. Настоящимъ краткимъ объясненіемъ роли, которую выполнилъ Декартъ въ исторіи научнаго развитія, я надѣюсь устранить всякія ложныя толкованія „Метода". Но еще желательнѣе, чтобы произведеніе Декарта дочитывалось до конца, такъ какъ послѣдніе выводы „Метода" не менѣе какихъ критическихъ разсужденій выражаютъ истиное значеніе всего Декартова труда.

Собственно какъ переводчикъ, прибавлю еще нѣсколько словъ. Читатель, знающій французскій языкъ, можетъ быть найдетъ въ переводѣ значительныя измѣненія оборотовъ рѣчи, употребляемыхъ въ оригиналѣ, но я считалъ невозможнымъ избѣгнуть подобныхъ отступленій. Предстояло избрать одно изъ двухъ: или, соблюдая вполнѣ рѣчь Декарта, сдѣлать переводъ малопонятнымъ, или, передавая „Методъ" русскою удобопонятною рѣчью, значительно отступать отъ оригинала. Мнѣ кажется, что я избралъ настоящую середину между этими двумя крайностями: стараясь передать „Методъ" Декарта удобопонятно, съ сохраненіемъ, гдѣ только это было возможно, характеристическаго склада рѣчи. Судить объ этомъ, есть, впрочемъ, дѣло читающей публики.

М. Скіада

ОПЕЧАТКИ

О Декартѣ и его сочиненіяхъ.

На 2 стр. строка 25, между словами физики, математики пропущено *и*.
На 3 стр. строка 6, вмѣсто—думу, читай—*душу*.
На 4 стр. строка 34, вмѣсто—можетъ и теперь, читай—*можетъ ли и теперь*.
На 5 стр. строка 4, вмѣсто—хотя и было, читай—*хотя бы и было*.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:

На стр. 15 строка 13, вмѣсто—названія, читай—*познанія*.
На стр. 18 строка 4, вмѣсто—роромъ, читай—*родомъ*.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ:

На стр. 24 строка 30, вмѣсто: удобномъ случаѣ, что таковыя имѣются—читай: *удобномъ случаѣ найти мнѣнія болѣе вѣрныя, предполагая что таковыя имѣются*.

О
Декартѣ
и
ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

Рене Декартъ родился въ 1596 году въ Турени (мѣстечко La Haye). Семейство его было дворянское и состоятельное. Восьми лѣтъ отъ роду, онъ былъ отданъ родителями въ коллегію Лафлешъ, гдѣ скоро отличился успѣхами въ древнихъ языкахъ, но еще болѣе выказалъ расположенія къ поэзіи и къ математикѣ. По окончаніи курса, Декартъ отправился въ Парижъ, который ему, впрочемъ, скоро наскучилъ, и юный философъ скрылся отъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ на цѣлые два года въ какое-то захалустье въ окрестностяхъ Парижа, для занятій науками. Такъ какъ и эти занятія неудовлетворили его, то Декартъ рѣшился познакомиться съ другими странами, кромѣ своего отечества, и для этой цѣли принялъ участіе, въ качествѣ волонтера, въ разныхъ войнахъ въ Германіи и Голландіи. Въ Германіи, на зимнихъ квартирахъ, пришолъ ему въ голову его „Методъ,“ тогда молодой ученый (23 лѣтъ) бросилъ военное ремесло и отправился путешествовать ради однѣхъ наблюденій. Во Францію Декартъ возвратился послѣ 13-ти лѣтней отлучки, и хотя не издалъ еще ни одного сочиненія, но уже пользовался нѣкоторою извѣстностью, какъ человѣкъ замѣчательно ученый и, въ особенности, какъ глубокій математикъ. Эта извѣстность, какъ онъ самъ замѣчаетъ,

въ своемъ „Методѣ,“ подвинула его сообщить публикѣ результаты своихъ трудовъ въ особомъ сочиненіи, которое онъ не рѣшился, однакожъ, писать и издавать во Франціи, отчасти потому, что боялся развлеченій и докукъ со стороны своихъ родныхъ и знакомыхъ, отчасти потому, что боялся преслѣдованій за слишкомъ свободный образъ мыслей. Надобно замѣтить, что за пять лѣтъ предъ тѣмъ, парижскій парламентъ запретилъ подъ страхомъ смертной казни: „признавать или распространять какое бы то ни было мнѣніе, несогласное съ ученіемъ древнихъ, одобренныхъ правительствомъ, авторовъ.“

Въ 1630 году, тридцати трехъ лѣтъ отъ роду, Декартъ отправился въ Голландію, гдѣ, какъ въ странѣ самой свободной въ то время во всей Европѣ, онъ надѣялся спокойно и безопасно совершить предпринятый имъ трудъ. Въ Голландіи и были изданы Декартомъ всѣ его сочиненія: „Діоптрика,“ „Метеоры,“ „О методѣ,“ „Метафизическія размышленія,“ „Принципы философіи,“ и значительное число отдѣльныхъ ученыхъ статей, а также написаны были: „Курсъ философіи“ и „Опроверженіе схоластики,“ которыя не были изданы. Къ этому же періоду жизни Декарта (1630—1648) относится замѣчательная его переписка о нравственныхъ началахъ съ Елисаветою принцессою Палатинскою. Всѣ сочиненія Декарта обращали на себя вниманіе современниковъ, но особенное вліяніе на общество имѣлъ его „Методъ,“ какъ первое, еще невиданное Европою, популярное философское сочиненіе. Труды Декарта по части физики и математики возбудили множество споровъ, но еще болѣе взволнованы были ученые философскими трудами Декарта, и нашлись даже въ самой Голландіи люди, способные преслѣдовать французскаго философа за опроверженіе схоластики. Схоластическая философія, еще господствовавшая въ то время неограниченно, не допускала никакихъ возраженій противъ своихъ принциповъ, и считалась необходимою частію религіи, такъ что возражать схоластикамъ значило тогда—быть распространителемъ безбожныхъ мнѣній. Такимъ образомъ, не смотря на глубокое уваженіе Декарта къ религіи, онъ, вслѣдствіе своей распри съ современными учеными, подвергнулся преслѣдовані-

ямъ Гисберта Воста, добивавшагося всѣми мѣрами, чтобы мнимо-атеистическія сочиненія французскаго философа были сожжены рукою палача. На происки Воста Декартъ отвѣчалъ изданіемъ своихъ „Принциповъ философіи“ и замѣчаніемъ, что „когда ему наносятъ оскорбленіе, то онъ, Декартъ, старается только возвысить свою думу, чтобы оскорбленіе не могло до него достигнуть.“ Тѣмъ не менѣе, французскому философу стало тяжело жить въ Голландіи, почему онъ и принялъ съ удовольствіемъ предложеніе Шведской королевы Христины— переселиться въ Швецію. Сѣверный климатъ оказался, однакожъ, неблагопріятнымъ для слабаго сложенія Декарта и этотъ замѣчательный человѣкъ, вскорѣ по прибытіи своемъ ко двору Христины, умеръ въ Стокгольмѣ 11 февраля 1650 года. Шведская королева велѣла похоронить своего гостя въ королевскомъ склепѣ, но, черезъ 17 лѣтъ, тѣло философа, по требованію французскаго посланника, было перевезено во Францію и погребено торжественно въ Парижѣ, что не воспрепятствовало французскому правительству запретить надгробныя рѣчи въ честь Декарта.

Передаю отзывы одного изъ западныхъ писателей о трудахъ Декарта. Мишело, въ статьѣ своей, помѣщенной во французской галлереѣ, находитъ, что Декартъ произвелъ своимъ „Методомъ“ чрезвычайный переворотъ въ современномъ ученомъ мірѣ, сдѣлавъ популярными такія идеи, которыя до того времени обсуждались одними схоластиками. Вообще нападки Декарта на схоластику, Мишело считаетъ величайшимъ его подвигомъ и приходитъ къ такому заключенію, что если въ произведеніяхъ Декарта найдется много недостатковъ, и противники французскаго философа очень часто совершенно справедливо опровергаютъ его ученіе, тѣмъ не менѣе для самыхъ опроверженій путь открытъ былъ Декартомъ-же. Логическіе законы, указанные въ „Методѣ,“ положили основаніе для инаго способа изысканія истины, чѣмъ какой употреблялся до того времени, но они-то и дали оружіе въ руки противникамъ французскаго философа. Мишело соглашается съ тѣмъ, что Декартъ не выдержалъ собственной своей системы, принявши a priori

нѣкоторыя основанія такъ, что окончательное потомъ обращеніе французскаго философа къ опыту [т. е. къ индуктивной методѣ изысканія истинъ] было позднее и не могло принести надлежащихъ плодовъ, вслѣдствіе частаго несогласія указаній опыта съ принятыми a priori началами. Декартъ долженъ былъ или отказаться отъ этихъ началъ, или истолковывать опыты превратно, чтобы подводить ихъ подъ свои начала. Декарту Мишело приписываетъ слѣдующія открытія въ математическихъ и естественныхъ наукахъ: изобрѣтеніе знаковъ, выражающихъ степени алгебраическихъ количествъ, развитіе теоріи отрицательныхъ корней, теоріи корней вообще для уравненій всѣхъ степеней, теоріи неопредѣленныхъ, развитіе аналитической геометріи, открытіе законовъ преломленія лучей (Діоптрика) и объясненіе радуги (Метеоры). Вообще Мишело дѣлаетъ такое общее заключеніе о трудахъ Декарта: что, при всѣхъ недостаткахъ этихъ трудовъ, Декарту принадлежитъ тотъ толчекъ, который произвелъ великое умственное движеніе впередъ въ XVII вѣкѣ. Отзывы другихъ западныхъ писателей о Декартѣ очень разнообразны, смотря потому, какой философской системы держался каждый изъ цѣнителей, такъ что считаю безполезнымъ повторять эти сужденія, но признаю вполнѣ необходимымъ представить свой взглядъ на сочиненіе, надъ переводомъ котораго трудился, въ видѣ отчета передъ публикой относительно основаній, побудившихъ переводчика—работать надъ твореніемъ стариннаго философа, а издателя книги—рисковать такимъ, мало обѣщающимъ выгодъ, изданіемъ.

Твореніе Декарта относится къ первой половинѣ XVII вѣка и хотя великіе люди принадлежатъ всѣмъ вѣкамъ, тѣмъ не менѣе успѣхи, дѣлаемые въ теченіи времени цивилизованными народами въ наукахъ, полагаютъ такое различіе между мыслителями древними и новыми, что первыхъ никакъ нельзя принимать за образцы. Естественно, что при этомъ соображеніи возникаетъ вопросъ: какое вообще значеніе придается творенію Декарта, что это твореніе можетъ ли теперь содѣйствовать умственному прогрессу, и въ какомъ отношеніи полезно познакомить именно русскую публику съ размышленіями философа

XVII столѣтія? Извѣстность Декарта—довольно громкая, но одна она не можетъ быть поводомъ къ труду, который смѣю назвать довольно тяжелымъ; нельзя, при томъ, не согласиться и съ тѣмъ, что всякое изданіе, если оно безполезно, хотя и было прикрыто громкимъ именемъ, не имѣетъ для себя оправданій. Время громкихъ именъ прошло, и обществу, не только западно-европейскому, но и русскому, нужны уже не имена, а дѣло. Надѣюсь, однакожъ, представить уважительныя причины для моего труда.

Дедуктивная система изысканія истинъ, со всѣми болѣе или менѣе основанными на ней философскими системами, господствовала почти неограниченно въ умственномъ и нравственномъ мірѣ до настоящаго столѣтія, между тѣмъ какъ индуктивная система со всѣми знаніями, которыя основывались на ней, едва была извѣстна. Никакъ не должно выводить изъ этаго, чтобы индукція мало приносила пользы человѣчеству въ теченіи столь долгихъ вѣковъ, нѣтъ, большая часть прогресса цивилизаціи была послѣдствіемъ индуктивныхъ изысканій, но участь индукціи была оставаться въ тѣни. Опытъ и наблюденіе, доставляя матеріалъ для мыслящихъ людей, снабдили человѣчество огромнымъ сокровищемъ, но дѣлалось это сокровище достояніемъ науки только постепенно, входило въ науку незамѣтно, самый же индуктивный способъ мышленія долго не признавался даже и за научный. Кое-гдѣ только, у древнихъ и средневѣковыхъ мыслителей являются здравыя сужденія объ индукціи, тогда какъ дедуктивная философія, пользуясь нѣкоторыми данными, доставленными индукціей, и пополняя ихъ разными началами, взятыми a priori, признавалась одна за науку и руководила науками. Даже труды первыхъ двигателей индуктивнаго знанія были обращены въ ничто чрезмѣрнымъ вліяніемъ дедукціи и стремленіемъ самихъ двигателей работать на основаніи апріорическихъ началъ. Но постепенно индукція стала тѣмъ, чѣмъ она должна быть, т. е. главнымъ способомъ къ изысканію истинъ, къ проложенію пути въ неизвѣстное, тогда какъ дедукція осталась, по мѣткому выраженію Декарта о правилахъ логики [логики древнихъ и схоластиковъ въ

особенности] только необходимымъ способомъ для передачи другимъ того, что уже извѣстно. Но совершенно вѣрное сужденіе объ индукціи и о значеніи научныхъ положительныхъ знаній появилось только недавно, именно вмѣстѣ съ развитіемъ современной позитивной философіи. По этому, вступленіе положительнаго научнаго знанія, достигнутаго преимущественно индуктивымъ путемъ мышленія, въ принадлежащія ему права, есть дѣло болѣе новое, чѣмъ полагаютъ многіе, и, къ сожалѣнію, дѣло еще сильно оспариваемое, прямо или косвенно, многими даже учеными. Позитивная философія, столь убѣдительная для нѣкоторыхъ и настолько удовлетворяющая умы, несклонные къ предвзятымъ убѣжденіямъ, многихъ, однакожъ, вовсе не удовлетворяетъ, въ особенности тѣмъ, что не отвѣчаетъ на всѣ вопросы, и не беретъ на себя рѣшенія всего. Мы такъ привыкли находить въ философскихъ системахъ, древнихъ и новыхъ, отвѣты на все, что для насъ кажется удобнѣе удовлетворять тотчасъ же жажду знанія, утверждая наше міровоззрѣніе на апріорическихъ началахъ и развивая его дедуктивно, чѣмъ ожидать медленнаго разъясненія вопросовъ отъ науки. Вообще, позитивная философія есть дѣло старое—по проявленіямъ своимъ еще въ древности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣло новое—въ смыслѣ полной организованной системы, дающей начало особому міровоззрѣнію, вслѣдствіе чего, какъ и всякое новое дѣло, сильно нуждается въ указаніяхъ на связь съ прошедшимъ, т. е. на системы, подготовившія появленіе позитивизма.

Постараюсь объяснить, почему я считаю послѣднее, т. е. указаніе связи позитивизма съ прошедшимъ за полезное для развитія самаго позитивизма.

Всякое новое ученіе, а позитивная философія, какъ я выше замѣтилъ, есть въ смыслѣ философской системы, новое ученіе, возбуждаетъ противъ себя недовѣріе. Если люди поверхностные и увлекающіеся въ особенности легко принимаютъ все новое, и именно потому, что оно ново, небывало, то люди мыслящіе, на оборотъ, съ особенною осторожностью приступаютъ къ но-

вымъ системамъ, прежде всего стараясь себѣ объяснить—откуда, изъ какихъ источниковъ возникла система? Мыслящіе люди не допускаютъ существованія такой системы, которая не имѣла бы связи съ прежнею умственною работою человѣчества, а потому по источникамъ новой системы стараются объяснить себѣ и истиное значеніе самой системы. Какъ бы ни убѣдительна была система сама по себѣ, она не войдетъ прочно въ убѣжденіе людей, пока не указана будетъ вся филіація идей, приведшая основателей системы къ извѣстной теоріи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не сдѣлано будетъ сравненіе новой теоріи съ старыми теоріями. Только этотъ путь можетъ привести къ прочнымъ результатамъ, если только изысканіе источниковъ и сравненіе съ другими теоріями не убьетъ новую теорію въ самомъ ея зародышѣ, какъ это и случилось съ теоріями многихъ философовъ. Но позитивизмъ не боится подобнаго испытанія, не страшится повѣрки, какъ система, связанная съ лучшею умственною работою человѣчества въ теченіи тысячелѣтій. Для позитивизма не только не страшно изысканіе его источниковъ и сравненіе съ другими теоріями, но, напротивъ того, только помощью того и другаго онъ можетъ сдѣлаться господствующимъ философскимъ міровоззрѣніемъ, такъ такъ, вспомнимъ, что позитивная философія отвѣчаетъ на нѣкоторые лишь философскіе вопросы. Когда для мыслящаго человѣка будетъ ясно изъ разсмотрѣнія другихъ философскихъ системъ, что эти послѣднія въ дѣйствительности никогда и ни на что не отвѣчали, а изъ разсмотрѣнія источниковъ позитивизма онъ увидитъ, что все, заслуживавшее когда либо названія отвѣта, было плодомъ одного позитивнаго ученія, тогда онъ удовлетворится системою, дающею отвѣты далеко не на все. Онъ удовлетворится ею, потому что предпочтетъ что-нибудь ничему, и немногое вѣрное—многому, но рѣшительно не доказанному и невѣрному. Я знаю, что есть слишкомъ горячіе позитивисты, настолько убѣжденные въ своемъ міровоззрѣніи, что считаютъ для убѣжденія мыслящаго человѣка совершенно достаточнымъ одного изложенія позитивной системы и полагаютъ, что они всегда готовы опровергнуть всякую дедуктивную философію. Дѣйствительно, во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, на кото-

рые наука даетъ прямые отвѣты, позитивистъ можетъ не страшиться апріорическаго джеумствованія, но онъ окажется слабъ противъ дедуктиста, вооруженный однимъ позитивнымъ ученіемъ во всѣхъ вопросахъ, для рѣшенія которыхъ наука предлагаетъ только гипотезы. Предположенія позитивиста покажутся ниже мнимо твердыхъ и логичныхъ выводовъ дедуктиста, если первый не выяснитъ, что всѣ эти выводы основаны на однѣхъ апріорическихъ идеяхъ, не заслуживающихъ названія данныхъ или началъ, тогда какъ гипотезы позитивизма имѣютъ по крайней мѣрѣ часть данныхъ, требующихся для ихъ доказательства. Но выясненіе подобнаго превосходства позитивной теоріи достигается только изысканіемъ источниковъ, вмѣстѣ съ сравненіемъ теорій. Я согласенъ съ тѣмъ, что чѣмъ болѣе будетъ развиваться позитивное ученіе, т. е. чѣмъ болѣе мы сдѣлаемъ успѣховъ въ наукахъ, тѣмъ менѣе будетъ нуждаться позитивная философія въ вспомогательныхъ средствахъ, но о настоящемъ положеніи позитивизма нельзя еще сказать, чтобы ученіе это мало нуждалось въ отрицательныхъ, такъ сказать, способахъ для своего утвержденія.

Изъ предъидущаго читатель уже догадывается, что я имѣю въ виду подкрѣпленіе позитивнаго ученія и переводилъ сочиненіе Декарта именно потому, что нахожу въ немъ или указаніе источниковъ позитивизма, или сравненіе позитивной теоріи съ дедуктивными апріорическими системами. Дѣйствительно, я вижу въ „Методѣ" Декарта нѣчто въ родѣ введенія въ позитивную философію, въ которомъ заключается и указаніе источниковъ позитивизма и сравненіе его съ другими теоріями. Я нахожу сочиненіе Декарта особенно важнымъ для позитивной философіи, болѣе даже важнымъ, чѣмъ сочиненія тѣхъ философовъ, которые глубже Декарта были проникнуты идеею позитивизма. Безъ сомнѣнія, что Аристотель, Лейбницъ и другіе были сильнѣе проникнуты основными идеями позитивизма, чѣмъ французскій философъ, но замѣчательно, что у этихъ великихъ мыслителей самая теорія позитивизма не выступаетъ ясно, и о томъ, что они позитивисты, можно догадываться только изъ соображенія всѣхъ ихъ сужденій или изъ общаго направленія ихъ

чѣмъ въ разсужденіяхъ ученаго человѣка объ ученыхъ фикціяхъ, не имѣющихъ никакихъ послѣдствій, и могущихъ вліять на самого ученаго развѣ только тѣмъ, что чѣмъ онѣ не менѣе, тѣмъ болѣе онъ будетъ ими тщеславиться, такъ какъ тѣмъ болѣе потребовалось ума и изворотливости на преданіе нелѣпымъ сужденіямъ правдоподобія. А я всегда пламенно желалъ научиться различенію истиннаго отъ ложнаго, чтобы вѣрно цѣнить свои собственные поступки и твердо идти по пути жизни.

Я долженъ замѣтить, однакожъ, что, изучая другихъ людей, не нашелъ въ этомъ изученіи ничего вѣрнаго, но увидѣлъ и здѣсь между мнѣніями такое же разногласіе, какое видѣлъ между мнѣніями философовъ. Вслѣдствіе этого, наибольшая польза, которую я извлекъ изъ моихъ путешествій, состояла въ томъ, что, видя какъ многое, признаваемое нами безумнымъ или смѣшнымъ, принимается и одобряется другими великими народами, я научился не вѣрить слѣпо убѣжденіямъ, внушаемымъ намъ только обычаями и примѣромъ другихъ, и такимъ образомъ освободился отъ многихъ, помрачающихъ здравый смыслъ, заблужденій. Но, употребивши нѣсколько лѣтъ на изученіе части вселенной и на пріобрѣтеніе опытности, я рѣшился въ одинъ прекрасный день заняться изученіемъ самого себя, употребивъ всѣ силы моего ума на отысканіе вѣрнаго пути въ жизни. Это послѣднее предпріятіе, какъ теперь вижу, мнѣ настолько болѣе всѣхъ прочихъ удалось, что лучше было бы, если бы я вовсе не бѣгалъ отъ своей родины и отъ своихъ книгъ.

Вторая часть.

Я находился въ то время въ Германіи, по случаю войны, которая и теперь еще тамъ не кончилась. Возвращаясь съ коронаціи Императора къ арміи, я былъ задержанъ началомъ зимы въ одной мѣстности, гдѣ, не находя никакихъ развлеченій и не отвлекаясь, при томъ, особенными заботами или желаніями, оставался по цѣлымъ днямъ одинъ въ теплой каморкѣ, съ полнымъ досугомъ для разсужденій съ самимъ собою. Первая мысль, которая пришла мнѣ въ голову въ это время, была та, что часто въ созданіяхъ многосложныхъ и выполненныхъ многими мастерами менѣе достоинства, чѣмъ въ тѣхъ, надъ произведеніемъ которыхъ трудился всего одинъ человѣкъ. Такъ мы видимъ здáнія, проэктированныя однимъ архитекторомъ, обыкновенно красивѣе и лучше устроены, чѣмъ тѣ строенія, надъ исправленіемъ которыхъ трудились многіе, старавшіеся пользоваться старыми стѣнами, воздвигавшимися въ свое время совсѣмъ съ иными цѣлями. Мы видимъ, напримѣръ, что древнія поселенія, обратившіяся въ теченіи времени изъ мѣстечекъ въ большіе города, обыкновенно бываютъ хуже устроены, чѣмъ города воздвигнутые на равнинѣ по плану инженера, хотя, сравнивая зданія первыхъ городовъ съ зданіями послѣднихъ, въ отдѣльности, можно найти не менѣе строительнаго искусства въ древнихъ городахъ, какъ и въ новыхъ. Тѣмъ не менѣе, если обратить вниманіе на безобразное смѣшеніе большихъ и малыхъ строеній, а также на кривизну улицъ старыхъ городовъ, то подумаешь, что только случай, а не воля разумныхъ людей, управлялъ ихъ постройкою. Если затѣмъ вспомнить, что въ городахъ всегда имѣлись чиновники, наблюдавшіе за благо-устройствомъ, то надобно согласиться и съ тѣмъ, что трудно добиваться чего нибудь близкаго къ совершенѣтву, работая только на

основанiи чужихъ трудовъ и произведенiй. *) Такимъ образомъ, я пришелъ къ мысли, что тѣ народы, которые вышли изъ полудикаго состоянiя и цивилизовались только постепенно, составляя для себя законы по мѣрѣ необходимости, не могутъ быть настолько образованы, какъ народы, съ самаго перваго начала своего принявшiе учрежденiя какого-нибудь мудраго законодателя, хотя совершенно вѣрно, что учрежденiя истинной религiи, какъ данныя самимъ Богомъ, несравненно выше всѣхъ другихъ учрежденiй. Но, обращаясь къ дѣламъ чисто человѣческимъ, я думаю, что если Спарта процвѣтала когда-то, то не потому, чтобы каждое изъ ея узаконенiй было хорошо, такъ какъ многiя изъ этихъ узаконенiй были нелѣпы, и даже безнравственны, но потому, что спартанскiе законы, какъ придуманные однимъ законодателемъ, всѣ вели къ одной цѣли. Такимъ образомъ, я думалъ, что книжныя науки, по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ основанiя только правдоподобны и которыя не имѣютъ настоящихъ доказательствъ, сложившись постепенно изъ ученiй нѣсколькихъ лицъ, не такъ близки къ истинѣ, какъ тѣ безхитростныя разсужденiя, которыя можетъ сдѣлать здравомыслящiй человѣкъ относительно предметовъ ему представляющихся **). Я думалъ также, что вслѣдствiе естественной постепенности въ нашемъ развитiи, заставляющей насъ быть прежде дѣтьми, а потомъ уже людьми, и отдающей насъ въ теченiи долгаго времени подъ управленiе нашихъ инстинктовъ и наставниковъ, часто не согласныхъ между собою въ своихъ требованiяхъ и невсегда намъ совѣтующихъ лучшее, намъ невозможно имѣть столь же вѣрныя и ясныя сужденiя, какъ если бы мы съ самаго нашего рожденiя пользовались вполнѣ разсудкомъ и ничѣмъ бы кромѣ его не руководились.

*) Идея справедливая для однѣхъ произведенiй артистическихъ.
Примѣч. Перевод.

**) Такъ можно было въ самомъ дѣлѣ оцѣнивать *книжныя науки* XVII вѣка.
Прим. Перев.

Справедливо, что намъ не приходится видѣть, чтобы разрушали дома въ цѣломъ городѣ единственно для перестройки его на другой образецъ и для украшенія городскихъ улицъ, но мы часто видимъ, какъ многіе хозяева разоряютъ свои дома для перестройки ихъ, часто принуждаемые къ этому ветхостью зданій и непрочностью фундаментовъ. Точно также и я былъ убѣжденъ, что немыслимо для частнаго человѣка преобразованіе цѣлаго государства отъ самыхъ его основаній, т. е. обновленіе государства посредствомъ предварительнаго его разрушенія; немыслимо также преобразованіе всей системы наукъ, или порядка преподаванія наукъ, принятаго въ училищахъ, но я полагалъ, что ничего лучшаго не могу придумать, какъ, выкинувши одинъ разъ изъ своей головы всѣ принятыя мною до того времени на вѣру ученія, съ тѣмъ, чтобы замѣнить ихъ потомъ лучшими, или пожалуй принять опять тѣже ученія, но добившись предварительно полнаго ихъ пониманія. Я былъ твердо увѣренъ, что этимъ способомъ гораздо лучше найду для себя правила, чѣмъ если бы я строилъ, руководствуясь только принципами, внушенными мнѣ съ дѣтства и принятыми мною безъ разсужденія. Хотя и при исполненіи такого моего намѣренія, я предугадывалъ различныя затрудненія, но трудности эти считалъ устранимыми и безъ сравненія меньшими противъ трудностей, которыя встрѣчаются при малѣйшихъ преобразованіяхъ въ общественныхъ дѣлахъ. Общества, эти огромныя тѣла, слишкомъ трудно поднимаются—одинъ разъ низпровергнутыя, или съ трудомъ удерживаются отъ паденія, когда уже пошатнулись, а паденіе такихъ громадъ должно быть жестоко. При томъ. если общества имѣютъ недостатки, то одно разнообразіе въ послѣднихъ указываетъ уже на то, что нѣтъ обществъ безъ недостатковъ, и тѣмъ не менѣе практика успѣваетъ смягчать зло и даже не замѣтно исправляетъ и устраняетъ его, чего теоретическими соображеніями никогда не

успѣли бы достигнуть. Наконецъ, существованіе плохихъ общественныхъ учрежденій сноснѣе, чѣмъ перемѣны въ этихъ учрежденіяхъ, точно такъ, какъ удобнѣе подвигаются битою отъ частаго проѣзда дорогою, хотя не прямою и извивающеюся между горами, чѣмъ пробиваться на прямикъ черезъ скалы и пропасти.

Вотъ почему я нисколько не сочувствую тѣмъ безпокойнымъ людямъ, которые, не бывши призываемы ни званіемъ своимъ, ни богатствомъ къ участію въ общественныхъ дѣлахъ, готовы каждую минуту, по крайней мѣрѣ въ теоріи, совершать реформы, такъ что если бы я замѣтилъ въ собственномъ своемъ сочиненіи малѣйшій признакъ подобнаго увлеченія, то никакъ бы не позволилъ себѣ напечатать такую вещь.

Мои реформаторскія стремленія никогда не простирались далѣе собственныхъ суждеиій и далѣе перестроекъ на почвѣ, мнѣ вполнѣ принадлежащей, и я потому только представляю читателямъ этотъ очеркъ, что самому автору онъ понравился, при чемъ не имѣю ни малѣйшаго притязанія на признаніе моихъ сужденій образцами, которымъ должно слѣдовать. Люди, которымъ Богъ даровалъ болѣе талантовъ, чѣмъ мнѣ, составятъ можетъ быть теоріи повозвышеннѣе моей, но я болѣе опасаюсь того, что уже моя теорія окажется для многихъ слишкомъ смѣлою. Одна рѣшимость отказаться отъ всѣхъ убѣжденій, принятыхъ на вѣру, есть нѣчто такое, чему не каждый долженъ подражать, такъ какъ почти что всѣ умы на свѣтѣ двухъ только родовъ, и ни для одного изъ нихъ нѣтъ выгоды слѣдовать моему примѣру. Къ первому роду умовъ принадлежатъ тѣ, которые, вслѣдствіе слишкомъ высокаго о себѣ мнѣнія, не могутъ удержаться отъ поспѣшныхъ сужденій и не могутъ терпѣливо проводить свои сужденія въ логической связи, вслѣдствіе чего, если

позволятъ себѣ одинъ разъ усумниться въ приятныхъ принципахъ и удалиться отъ общепринятаго пути, то никогда уже не попадутъ на настоящую дорогу, и будутъ заблуждаться всю свою жизнь. Къ другому роду умовъ принадлежатъ умы людей незаносчивыхъ, достаточно скромныхъ для того, чтобы признавать превосходство надъ собою другихъ людей, болѣе способныхъ различать истиное отъ ложнаго, но для такихъ скромниковъ лучше слѣдовать чужимъ мнѣніямъ, чѣмъ составлять свои собственныя.

Что касается до самаго меня, то я непремѣнно оказался бы въ числѣ послѣднихъ умовъ, если бы получилъ воспитаніе отъ одного только наставника и если бы я не зналъ о той разноголосицѣ въ мнѣніяхъ, которая существовала всегда на свѣтѣ въ средѣ самыхъ ученыхъ людей. Еще школьникомъ я узналъ, что нельзя придумать такой странности или нелѣпости, которая не оказалась бы высказанною прежде какимъ нибудь философомъ, а потомъ, путешествуя, я убѣдился въ томъ, что многіе, имѣющіе мнѣнія вовсе несогласныя съ нашими, не дѣлаются чрезъ то варварами или дикарями, и не менѣе, если не болѣе нашего, работаютъ своимъ умомъ. Я соображалъ, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ, съ тою же головой, воспитанный среди французовъ или нѣмцевъ, долженъ бы измѣниться, если бы онъ выросъ среди китайцевъ или людоѣдовъ, и какъ странно, что, по вліянію моды, тотъ нарядъ, который десять лѣтъ тому назадъ намъ нравился и до истеченія десяти лѣтъ можетъ быть опять будетъ нравиться, кажется намъ теперь смѣшнымъ. Изъ всего этого вывелъ, что большинство нашихъ убѣжденій возникаетъ не изъ какого нибудь вѣрнаго знанія, а только изъ обычаевъ и примѣровъ, но что мнѣніе большинства для научныхъ истинъ, которыя отыскиваются не легко, есть ничего не стоющее доказательство, такъ какъ скорѣе мож-

но ожидать открытія истинъ однимъ человѣкомъ, чѣмъ цѣлымъ народомъ. Отсюда я уже пришелъ къ убѣжденію — о невозможности слѣдовать безусловно чьимъ либо мнѣніямъ, и необходимости отыскивать самому для себя вѣрный путь.

Но, какъ человѣкъ, которому приходится идти одному въ потьмахъ, я напередъ рѣшился подвигаться какъ можно медленнѣе и соблюдать во всемъ такую осторожность, чтобы навѣрное избѣжать паденія, хотя бы чрезъ то и подвигался впередъ очень мало. Я предположилъ даже, тогда только отказаться отъ мнѣній, принятыхъ мною на вѣру безъ обсужденія, когда уже составлю планъ для предпринимаемаго труда и отыщу истинную методу для знанія всѣхъ предметовъ доступныхъ моему уму.

Въ юношескомъ моемъ возрастѣ я занимался немного, между прочими частями философіи, логикой, а изъ математики — геометрическимъ анализомъ и алгеброй, тремя искусствами или науками, которыя должны были принести мнѣ большую пользу въ моемъ предпріятіи. Но разсматривая эти искусства, я обратилъ, во первыхъ, вниманіе на то, что логика, съ ея силлогизмами и прочими правилами, служитъ болѣе къ разъясненію другимъ того, что самъ разъясняющій уже знаетъ, или даже, какъ искусство Лулла, оно болѣе помогаетъ говорить о томъ, чего не знаешь, чѣмъ изученіе того, что еще не извѣстно. Логика, безъ сомнѣнія, содержитъ въ себѣ множество совершенно вѣрныхъ и полезныхъ правилъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой наукѣ столько есть и безполезнаго или даже вреднаго, что также трудно отдѣлить въ ней хорошее отъ дурнаго, какъ трудно извлечь статую Діаны или Минервы изъ куска необработаннаго мрамора. Что касается до геометрическаго анализа древнихъ и нашей алгебры, то, кромѣ того, что обѣ эти науки слишкомъ отвлеченны и мало приложимы

къ практическимъ соображеніямъ, первая изъ нихъ настолько связана разсматриваніемъ фигуръ, что не можетъ развивать пониманіе, не утомляя воображенія, а вторая наука такъ подчинена нѣкоторымъ мелочнымъ правиламъ и теоріи знаковъ, что представляетъ смутное и темное искусство, болѣе затрудняющее умъ, чѣмъ развивающее его. Обративши вниманіе на все это, я подумалъ объ отысканіи такой методы, которая, заключая въ себѣ выгоды всѣхъ указанныхъ трехъ наукъ, не имѣла бы ихъ недостатковъ. Подобно тому, какъ множество законовъ часто благопріятствуетъ развитію пороковъ въ обществѣ, и то государство бываетъ лучше устроено, въ которомъ законовъ мало, но исполняются они строго, такъ точно и я рѣшился предпочесть всему множеству правилъ, составляющихъ логику, четыре нижеслѣдующія правила, при томъ условіи, что буду соблюдать ихъ постоянно.

Первое правило: не признавать ничего за истину, не убѣдившись въ томъ самымъ очевиднымъ образомъ: то есть, надобно избѣгать поспѣшности въ сужденіяхъ и предубѣжденій, не допуская въ сужденіяхъ никакихъ понятій, кромѣ сознанныхъ нами такъ ясно и отчетливо, что не оставалось бы ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію.

Второе правило: раздѣлять каждый встрѣчающійся затруднительный вопросъ, для рѣшенія его, на столько частицъ, на сколько это возможно и удобно.

Третье правило: начинать обсужденіе каждаго вопроса въ восходящемъ порядкѣ, т. е. съ простѣйшихъ и легчайшихъ понятій, восходя потомъ къ самымъ сложнымъ, при чемъ необходимо предполагать связный порядокъ и тамъ, гдѣ понятія сами собою не представляются въ такой связи между собою, какъ предыдущія и послѣдующія.

Послѣднее правило: во всемъ дѣлать столь подробныя исчисленія, и обозрѣнія настолько пространныя, чтобы не оставалось никакихъ опасеній относительно пропуска чего либо.

Мнѣ казалось, по поводу этихъ длинныхъ рядовъ сужденій, простыхъ и легкихъ, которыя употребляются геометрами для доказательства самыхъ трудныхъ теоремъ, что во всѣхъ вопросахъ, доступныхъ человѣческому пониманію, сужденія могутъ связываться такимъ же образомъ. Мнѣ казалось, что нѣтъ познаній столь отдаленныхъ, до которыхъ нельзя было бы достигнуть, настолько скрытныхъ, чтобы нельзя было ихъ разъяснить, если только въ ряды посредствующихъ сужденій принимаются исключительно сужденія вполнѣ вѣрныя, и порядокъ логической послѣдовательности и зависимости между понятіями всегда строго соблюдается. Затрудняться относительно того, съ какихъ истинъ начинать изысканія, мнѣ не пришлось; во первыхъ, потому, что я уже зналъ, что надобно начинать съ простѣйшихъ, а, во вторыхъ, обратившии вниманіе на то, что изъ всѣхъ изыскателей истины въ наукахъ однимъ математикамъ удалось найти кое-какія доказательства, т. е. основанія вѣрныя и очевидныя для науки, я не могъ сомнѣваться въ томъ, что изысканія мои долженъ начинать именно съ математическихъ истинъ. При этомъ, я очень хорошо понималъ, что математическія истины не принесутъ мнѣ иной пользы, какъ дадутъ только навыкъ моему уму довольствоваться истинными и не довольствоваться ложными доказательствами. Для такого начала я не имѣлъ, однакожъ, намѣренія изучать всѣ эти отдѣльныя науки, которыя причисляются къ математикѣ, такъ какъ, не смотря на разнообразіе предметовъ, обнимаемыхъ математическими изслѣдованіями, математика занимается одними отношеніями и пропорціями, существующими въ предметахъ. Поэтому, я и нашелъ нужнымъ разсматривать однѣ пропорціи вообще, предполагая, при

томъ, существованіе математическихъ отношеній только тамъ, гдѣ удобно ихъ изучать, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнюдь не ограничивая приложенія пропорцій однимъ родомъ предметовъ, чтобы не лишать себя возможности прилагать математическія основанія и ко всѣмъ тѣмъ вопросамъ, въ которыхъ это только доступно. Потомъ, обративши вниманіе на то, что для познанія математическихъ отношеній мнѣ придется, или разсматривать каждое изъ отношеній въ отдѣльности, хотя бы для одного удержанія въ памяти, или придется разсматривать по нѣскольку отношеній вмѣстѣ, то нашелъ самымъ удобнымъ, въ первомъ случаѣ представлять ихъ линіями, не находя ничего простѣе и ничего доступнѣе этого для пониманія и воображенія; для изученія же и удержанія въ памяти нѣсколькихъ математическихъ отношеній вмѣстѣ—я избралъ численныя выраженія, по возможности самыя краткія. Такимъ образомъ, я надѣялся взять лучшее изъ метода какъ геометрическаго, такъ и алгебраическаго, пополняя одинъ методъ другимъ.

Дѣйствительно, результатомъ найденныхъ мною немногихъ правилъ была, смѣю сказать, такая легкость въ разрѣшеніи всѣхъ вопросовъ геометріи и алгебры, что въ два или три мѣсяца занятія этими науками, при постоянномъ восхожденіи отъ простѣйшаго и общаго къ сложному и частному и при обращеніи каждой найденной истины въ основаніе для дальнѣйшихъ разъисканій, я не только разрѣшилъ задачи, казавшіяся мнѣ прежде очень трудными, но даже подумалъ, наконецъ, что могу опредѣлить и въ неизвѣстныхъ мнѣ теоремахъ, какимъ путемъ и до какой степени ихъ возможно рѣшить. Читатель не сочтетъ меня тщеславнымъ по поводу этаго заявленія, если обратитъ вниманіе на то, что въ каждомъ вопросѣ можетъ быть одна только истина, и что тотъ, кто нашелъ эту истину, знаетъ настолько по вопросу, насколько

вообще можно объ немъ знать. Такъ, напримѣръ, ребенокъ, знающій ариѳметику и сдѣлавшій правильно сложеніе, можетъ быть увѣренъ, что нашелъ относительно полученной имъ суммы все доступное уму человѣческому, потому что ариѳметическая метода, научающая истинному порядку въ исчисленіи всѣхъ условій задачи, придаетъ правиламъ ариѳметики совершенную законченность.

Найденная мною метода болѣе всего меня удовлетворяла въ томъ отношеніи, что я всякій вопросъ могъ обнимать своимъ разумомъ, если несовершенно, то, по крайней мѣрѣ, насколько это для меня доступно. Кромѣ того, я замѣчалъ, слѣдуя своей методѣ, что мой умъ постепенно привыкалъ къ болѣе точному и ясному пониманію предметовъ, а такъ какъ я не присвоивалъ свою методу исключительно какому нибудь одному роду вопросовъ, то могъ еще надѣяться на приложеніе ея, не менѣе полезное въ другихъ наукахъ, кромѣ алгебры. Не должно, однакожъ, выводить изъ послѣдняго заключенія, чтобы я имѣлъ въ виду тотчасъ же прилагать мою методу ко всѣмъ научнымъ свѣдѣніямъ, какія только могли мнѣ встрѣтиться, такъ какъ подобная поспѣшность была бы противна порядку, требуемому самою моею методою. Я призналъ только необходимымъ начать съ отысканія вѣрныхъ принциповъ въ философіи, а въ этой послѣдней наукѣ я не находилъ еще вѣрныхъ основаній. Сверхъ того, принимая во вниманіе, что отысканіе принциповъ философіи есть самое важное дѣло, при исполненіи котораго надобно особенно опасаться поспѣшности въ сужденіяхъ и предразсудковъ, то я пришелъ къ убѣжденію, что отысканіе принциповъ философіи могло быть мною предпринято не прежде, какъ по достиженіи возраста болѣе зрѣлаго, чѣмъ тогдашній мой 23-хъ лѣтній. Требовалось много времени на приготовленіе самого себя: какъ для искорененія изъ своего ума ложныхъ мнѣній, прежде въ него закравшихся,

такъ для собранія массы наблюденій (будущаго матеріала моихъ разсужденій), такъ, наконецъ, и для упражненія себя въ найденной методѣ, необходимаго въ видахъ пріобрѣтенія извѣстнаго умственнаго навыка.

Третяя часть.

Надобно согласиться съ тѣмъ, что, начиная перестройку дома, въ которомъ живешь, не довольно того, чтобы разрушить старое зданіе, собрать матеріалы для постройки и строителей, или самому упражняться въ строительномъ искусствѣ, или составить даже планъ постройки, но необходимо еще позаботиться и о временномъ помѣщеніи, въ которомъ можно было бы съ удобствомъ прожить до окончанія работъ. Точно такъ, избѣгая нерѣшимости въ своихъ поступкахъ въ теченіи всего того времени, пока разумъ не позволитъ мнѣ быть рѣшительнымъ въ своихъ сужденіяхъ, и желая также пользоваться возможнымъ счастьемъ во все время моихъ трудовъ, я составилъ для себя временныя правила нравственности въ трехъ или четырехъ законахъ, которые охотно сообщу читателямъ.

Первымъ моимъ нравственнымъ закономъ я обязывалъ себя слѣдовать законамъ и обычаямъ родной страны, а также той религіи, которой милосердіемъ Божіимъ я былъ наученъ съ малолѣтства. Во всемъ прочемъ рѣшился слѣдовать мнѣніямъ самымъ умѣреннымъ, т. е. наиболѣе удаленнымъ отъ всѣхъ крайностей и наиболѣе распространеннымъ между разумнѣйшими людьми, съ которыми мнѣ придется жить. Понятно, что для меня, признавшаго уже за ничто собственныя свои мнѣнія, какъ подлежащія генеральному пересмотру, ничего лучшаго нельзя было выдумать какъ слѣдовать мнѣніямъ разумнѣйшихъ людей. Принимая же во вниманіе, что и между Персами, или Ки-

тайцами можетъ быть имѣются столь же разумные люди, какъ и у насъ, мнѣ показалось полезнѣйшимъ руководиться мнѣніями только тѣхъ разумныхъ людей, съ которыми мнѣ придется жить. При этомъ, чтобы узнать настоящія мнѣнія окружающихъ меня, я рѣшился болѣе обращать вниманіе на то, что эти люди дѣлаютъ, чѣмъ на то, что они говорятъ. Подобный способъ мною былъ принятъ не потому только, что, вслѣдствіе развращенія нашихъ нравовъ, мало находится охотниковъ высказывать откровенно свои убѣжденія, но еще и потому, что многіе сами не знаютъ своихъ убѣжденій, такъ какъ мышленіе, которое производитъ въ насъ убѣжденіе въ чемъ либо, отлично отъ того мышленія, которое указываетъ намъ на существованіе въ насъ извѣстнаго убѣжденія, и оба мышленія часто не бываютъ вмѣстѣ. Изъ многихъ одинаково распространенныхъ мнѣній, выбиралъ я всегда самыя умѣренныя, во первыхъ, потому, что они самыя удобныя на практикѣ и, вѣроятно, лучшія, тогда какъ крайности обыкновенно бываютъ дурны, во вторыхъ, для того, чтобы менѣе сбиваться съ истиннаго пути, въ случаѣ ошибки въ выборѣ мнѣнія. Къ числу крайностей я по особому соображенію причислилъ всѣ обязательства, которыми люди ограничиваютъ въ какомъ нибудь отношеніи свою свободу. И такой взглядъ на обязательства составился у меня не отъ того, чтобы я возставалъ противъ законовъ, которые въ видахъ обезпеченія общества отъ непостоянства слабохарактерныхъ людей допускаютъ заключеніе обязательныхъ условій и договоровъ въ дѣлахъ полезныхъ вообще, или по торговлѣ, или вообще въ случаяхъ безразличныхъ, но потому, что не видѣлъ ничего постояннаго на семъ свѣтѣ Въ особенности для самого себя, при томъ намѣреніи, которое я имѣлъ—свободнымъ мышленіемъ усовершенствовать мои сужденія, считалъ бы большою ошибкою, несогласною съ здравымъ смысломъ, обязательное признаніе чего либо хорошимъ, при-

знаніе неотмѣнимое и въ томъ случаѣ, когда бы предметъ потерялъ хорошія свои качества, или я пересталъ бы считать его хорошимъ.

Вторымъ нравственнымъ закономъ я требовалъ отъ себя возможно большей твердости въ характерѣ и рѣшительности въ дѣйствіяхъ, съ неменьшимъ постоянствомъ въ слѣдованіи самымъ сомнительнымъ мнѣніямъ, какъ и самымъ вѣрнымъ, если первыя были уже одинъ разъ мною приняты. Въ этомъ правилѣ, я подражалъ путешественникамъ, заблудившимся въ лѣсу, которымъ не слѣдуетъ бродить, перемѣняя часто направленіе, или останавливаться на одномъ мѣстѣ, но должно идти, не уклоняясь какъ можно прямѣе въ одну какую либо сторону. Хотя направленіе было бы избрано путешественникомъ и случайно, но при этой методѣ, если онъ и не достигнетъ того мѣста, куда шелъ, то, покрайней мѣрѣ, выберется на край лѣса, гдѣ ему будетъ во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ въ срединѣ лѣса. Точно также случайности жизни часто не даютъ намъ никакой отсрочки на обдумываніе нашихъ дѣйствій, и тогда вѣрнѣйшее правило: когда мы не можемъ отличить дѣльныхъ мнѣній отъ недѣльныхъ,—то должны слѣдовать мнѣніямъ вѣроятнѣйшимъ; когда же и правдоподобнѣйшаго отличить не можемъ, то непремѣнно остановиться на какихъ бы то ни было мнѣніяхъ, и потомъ уже считать ихъ за несомнительныя, именно по отношенію только къ практикѣ и въ силу той причины, которая побудила насъ избрать ихъ. Это правило тотъ-часъ же избавило меня отъ всѣхъ раскаяній и угрызеній совѣсти, такъ часто мучащихъ слабохарактерныхъ людей, способныхъ измѣнять образъ своихъ дѣйствій вмѣстѣ съ измѣненіемъ своихъ понятій о хорошемъ и дурномъ.

По третьему моему нравственному закону, я долженъ былъ побѣждать самаго себя, а не враждебную фортуну.

Я долженъ былъ перемѣнять свои желанія, а не добиваться измѣненія порядка существующаго во вселенной, и вообще долженъ былъ привыкать къ той мысли, что вполнѣ состоящими въ нашей власти мы можемъ признавать однѣ наши желанія, относительно же всего, внѣ насъ находящагося, мы можемъ только дѣлать извѣстныя усилія, которыя, какъ скоро не привели къ успѣху, то принуждаютъ насъ предпринятое дѣло признавать за невозможное. Мнѣ казалось, что этаго одного правила было довольно для удержанія меня отъ желаній неудобоисполнимыхъ и чтобы сдѣлать меня всегда довольнымъ. Если наша воля будетъ устремлять насъ только на предметы, которые здравый смыслъ представляетъ намъ вполнѣ доступными, и за предметы доступные мы не будемъ считать всего внѣ насъ находящагося, то мы настолько же мало будемъ огорчаться, напримѣръ отъ невольной потери благъ, принадлежащихъ намъ по рожденію, какъ и отъ того, что не обладаемъ Китаемъ или Мексикой. Мы будемъ, какъ говорится, обращать необходимость въ добродѣтель, и не пожелаемъ здоровья, когда будемъ больны, свободы — когда будемъ сидѣть въ тюрьмѣ, точно также какъ не пожелаемъ тѣла крѣпкаго какъ алмазъ, или крыльевъ какъ у птицъ. Но, признаюсь, необходимо продолжительное упражненіе, для того чтобы усвоить себѣ такой взглядъ на дѣла міра сего. Я полагаю, что именно въ привычкѣ относиться подобнымъ образомъ ко всякимъ благамъ заключалась тайна тѣхъ древнихъ философовъ, которые успѣли не подчиняться ударамъ судьбы, и, среди страданій и нищеты, соперничали въ благополучіи съ своими богами. Эти люди, имѣя постоянно въ виду ограниченность человѣческихъ силъ, вполнѣ убѣждали себя въ томъ, что ничто не было въ ихъ власти, кромѣ собственныхъ идей, а потому ни къ чему и не привязывались на свѣтѣ, кромѣ идей. Наоборотъ, своимъ владѣніемъ, т. е. размышленіемъ, эти философы поль-

зовались такъ неограниченно и широко, что имѣли нѣкоторое основаніе считать себя и богаче и могущественнѣе, и свободнѣе и счастливѣе, всѣхъ тѣхъ людей, которые, не слѣдуя подобному же ученію, не могутъ имѣть всего того, чего желаютъ, какъ бы при этомъ ни были благопріятствуемы природою и фортуной.

Наконецъ, для дополненія принятыхъ мною нравственныхъ законовъ, я рѣшился сдѣлать разборъ всѣхъ существующихъ у людей занятій, чтобы избрать для себя лучшее между ними. Не осуждая занятій другихъ людей, собственно для себя, я нашелъ всего лучше продолжать то занятіе, которое началъ, т. е. рѣшился употреблять свое время на усовершенствованіе разума и на отысканіе истины, слѣдуя найденной методѣ. И столько имѣлъ я душевныхъ наслажденій съ тѣхъ поръ, какъ сталъ слѣдовать своей методѣ, что даже не предполагалъ возможнымъ имѣть въ этой жизни наслажденія болѣе высокія и чистыя, потому что, открывая помощью своей системы каждый день новыя истины, казавшіяся мнѣ немаловажными и не принадлежащими къ числу общеизвѣстныхъ, я ни чѣмъ болѣе не могъ интересоваться. Самыми вышеизложенными тремя нравственными законами я удовлетворялся только потому, что надѣялся на свою систему и имѣлъ въ виду отыскать истину собственнымъ размышленіемъ. Такъ, я никакъ бы не согласился довольствоваться пока чужими мнѣніями, зная, что Богъ каждому далъ извѣстную способность различать ложное отъ истиннаго, если бы не имѣлъ въ виду, въ свое время, самъ изслѣдовать истину и если бы не надѣялся при первомъ удобномъ случаѣ, что таковыя имѣются. Наконецъ, я не въ силахъ былъ бы ограничивать мои желанія и довольствоваться тѣмъ, что имѣю, если бы не предполагалъ, слѣдуя своей системѣ, что пріобрѣту всѣ познанія, всѣ истинныя блага въ жизни, какія только для меня

доступны. Соединяю познанія съ благами жизни потому, что воля наша привлекаетъ насъ къ чему либо, или отталкиваетъ насъ отъ чего либо, только вслѣдствіе признанія съ нашей стороны предмета хорошимъ или дурнымъ, отъ чего происходитъ, что хорошее обсужденіе предмета обусловливаетъ возможную правильность нашихъ дѣйствій. Но отсюда ясно, что мы тогда только можемъ быть довольны, когда увѣрены въ пріобрѣтеніи всѣхъ душевныхъ достоинствъ, вмѣстѣ съ зависящими отъ нихъ, возможными для насъ благами.

Увѣрившись въ достоинствѣ моихъ нравственныхъ законовъ и отдѣливши ихъ особо, вмѣстѣ съ истинами религіи, всегда поставлявшимися мною во главѣ всѣхъ моихъ убѣжденій, я разсудилъ, что могу предпринять уничтоженіе остальныхъ моихъ убѣжденій, а какъ исполнить это находилъ болѣе возможнымъ, обращаясь среди людей, чѣмъ сидя въ той коморкѣ, въ которой я обо всемъ выше изложенномъ разсуждалъ, то пустился опять странствовать по свѣту еще прежде окончанія зимы. И въ теченіи цѣлыхъ девяти годовъ, я только и дѣлалъ, что переѣзжалъ изъ одного мѣста въ другое, стараясь, во всѣхъ комедіяхъ жизни, которыя при мнѣ разыгрывались, быть зрителемъ, а не дѣйствующимъ лицомъ. При этомъ, я не забывалъ предавать изслѣдованію всѣ встрѣчающіеся вопросы съ ихъ сомнительной стороны, помощью чего и успѣлъ вырвать изъ своего ума всѣ заблужденія, которыя закрались въ него въ теченіи времени. Искореняя свои заблужденія, я не подражалъ скептикамъ, сомнѣвающимся для того только, чтобы сомнѣваться, и старающимся оставаться въ нерѣшимости, напротивъ того, я усиливался единственно разбросать слабый грунтъ и песокъ подъ моими ногами и добраться до настоящей твердой почвы для своего фундамента. Успѣхъ мой въ этихъ усиліяхъ зависѣлъ именно отъ того, что опровергалъ я ложное или сомнительное не

слабыми, а ясными и твердыми соображеніями, вслѣдствіе чего, не встрѣчалъ вопроса настолько сомнительнаго, чтобы не прійти къ какому-нибудь положительному заключенію, хотя бы и къ такому, — что въ извѣстномъ вопросѣ нѣтъ ничего опредѣлительнаго. И, подобно тому, какъ при разрушеніи стараго дома сохраняютъ матеріалы его для новаго зданія, такъ и я, уничтожая въ себѣ всѣ убѣжденія, которыя признавалъ не основательными, дѣлалъ много наблюденій и опытовъ, послужившихъ мнѣ въ послѣдствіи къ пріобрѣтенію убѣжденій болѣе вѣрныхъ. Кромѣ того, я продолжалъ упражняться въ принятомъ мною методѣ, какъ тѣмъ, что постоянно направлялъ мои размышленія по правиламъ этого метода, такъ и тѣмъ, что по временамъ упражнялся въ математикѣ или даже въ другихъ наукахъ, именно въ тѣхъ, которыя мнѣ удавалось сдѣлать подобными математикѣ. Достигалъ я послѣдняго относительно многихъ наукъ, какъ увидитъ читатель ниже, выкидывая изъ числа научныхъ познаній всѣ нетвердыя не математическія начала. Такимъ образомъ, проводя мою жизнь повидимому также, какъ и тѣ люди, которымъ нечего болѣе дѣлать на свѣтѣ, какъ только жить въ свое удовольствіе безобидно для другихъ, проводя время въ позволительныхъ удовольствіяхъ и избѣгая какъ порока, такъ и скуки, я успѣвалъ тѣмъ не менѣе въ достиженіи своей цѣли и болѣе подвигался впередъ въ изысканіи истины, какъ если-бы занимался постоянно чтеніемъ, или жилъ бы въ сообществѣ ученыхъ людей.

Однакожъ, девять лѣтъ прошло прежде чѣмъ я остановился на чемъ нибудь, по тѣмъ затруднительнымъ вопросамъ, о которыхъ постоянно спорятъ ученые, и даже не начиналъ отыскивать основаній для инаго, болѣе вѣрнаго міровоззрѣнія, чѣмъ общепринятое. Видя какъ многіе превосходные умы предпринимали еще недавно такой же подвигъ, какъ мнѣ казалось, безуспѣшно, я пугался тру-

дности дѣла и, вѣроятно, и теперь бы еще не принимался за него, еслибы не узналъ, что нѣкоторые мои знакомые преждевременно распустили слухъ о полномъ моемъ успѣхѣ въ розысканіяхъ. Не могу сказать, на чемъ основывали эти знакомые свои предположенія, и если я рѣчами моими сколько нибудь содѣйствовалъ распространенію слуха, то это никакъ не—тѣмъ, чтобы хвастался какимъ нибудь найденнымъ ученіемъ, а развѣ тѣмъ, что съ большею откровенностію, чѣмъ принято между людьми учившимися, сознавался въ томъ, чего не знаю, или тѣмъ, что опровергалъ мнѣнія, признаваемыя многими за несомнѣнныя. Но, какъ человѣкъ довольно совѣстливый для того, чтобы допускать другихъ до понятія обо мнѣ, не соотвѣтствующаго дѣйствительности, я счелъ необходимымъ употребить всѣ мои силы для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ репутаціи, которую мнѣ, противъ моего желанія, составили. Это намѣреніе, ровно восемь лѣтъ тому назадъ, побудило меня удалиться отъ всѣхъ моихъ знакомыхъ и переѣхать сюда, въ страну [1]), въ которой продолжительная война завела такой порядокъ, что арміи въ ней находящіяся служатъ только къ обезпеченію мира, и гдѣ, въ массѣ великаго дѣятельнаго народа, болѣе занятаго своими собственными дѣлами, чѣмъ способнаго вмѣшиваться въ чужія, я могу жить столь же уединенно, какъ бы въ любой пустынѣ, не лишаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, и удобствъ жизни, свойственныхъ населеннымъ мѣстамъ.

---

[1]) Голландія.—*Прим. перевод.*

Четвертая часть.

Не знаю, долженъ ли я передавать читателямъ размышленія, которымъ предавался въ вышеупомянутой странѣ, потому что эти размышленія были такого метафизическаго свойства и такъ необыкновенны, что не каждаго могутъ заинтересовать. Но я вынужденъ нѣкоторымъ образомъ излагать эти размышленія для доставленія другимъ возможности оцѣнить твердость моихъ началъ. Я давно замѣтилъ, что въ вопросахъ, касающихся обычаевъ, иногда необходимо слѣдовать мнѣніямъ очевидно сомнительнымъ, какъ бы самымъ вѣрнымъ, какъ я это выше изложилъ; предпринимая же отысканіе исключительно истины, я полагалъ, что надобно было поступать совсѣмъ наоборотъ—признавать все подверженное малѣйшему сомнѣнію за совершенно ложное, и потомъ смотрѣть, что, за откинутіемъ сомнительнаго, останется въ нашемъ пониманіи вѣрнаго. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе, что наши чувства насъ нерѣдко обманываютъ, я предположилъ, что все познаніе предметовъ, получаемое нами чрезъ внѣшнія чувства, есть ложное. Точно также, сообразивъ, что встрѣчаются люди, ошибающіеся въ простѣйшихъ правилахъ геометріи и увлекающіеся паралогизмами, а также и то, что я самъ никакъ не менѣе другихъ подверженъ ошибкамъ, рѣшился отвергнуть, какъ ложныя, всѣ тѣ мелкія основанія, которыя признавалъ прежде за доказательства. Наконецъ, вспомнивъ, что тѣ же соображенія, которыя бываютъ у насъ во время бодрствованія, являются и во снѣ, (при какомъ состояніи нашемъ всѣ соображенія признаются ложными), я предположилъ, что всѣ идеи, когда-либо входившія въ мой умъ, настолько же вѣрны, какъ и сонныя мечтанія. Но послѣ этихъ предположеній я тотчасъ замѣтилъ, что, откидывая всѣ сужденія, какъ ложныя, по необходимости долженъ признать то, что я-то самъ, ду-

мающій такъ, что-нибудь да есть, и вслѣдствіе того признать истину: *я мыслю, слѣдовательно я существую.* Этотъ выводъ, какъ могущій устоять противъ всѣхъ возраженій скептиковъ, я счелъ возможнымъ, не колеблясь, принять за первое основаніе той философской системы, которую отыскивалъ.

Далѣе, разсматривая со вниманіемъ свое собственное существо, я замѣтилъ, что могу вообразить себя безъ тѣла и не находящимся ни въ какомъ опредѣленномъ мірѣ или мѣстѣ, но того, что меня вовсе нѣтъ, вообразить себѣ не могу. Существованіе мое подтверждается тѣмъ самымъ, что я могу отвергать истину другихъ вещей, тогда какъ если-бы я пересталъ мыслить, то и при совершенной справедливости всего прежде мною передуманнаго, я не имѣлъ бы никакихъ основаній признавать себя существовавшимъ когда-либо. Изъ всего этого я вывелъ, что составляю существо, котораго исключительное назначеніе есть мыслить, которое для своего бытія не нуждается въ пространствѣ и не зависитъ ни отъ какого вещества; однимъ словомъ, что это *я*, т. е. душа, дѣлающая меня тѣмъ, что я есть, совершенно отлична отъ тѣла, познается легче тѣла, и еслибы тѣла вовсе не было, то все таки осталась бы тѣмъ, что есть.

Послѣ этого, я сталъ обсуждать вопросъ о томъ: что вообще нужно для совершенной опредѣленности и вѣрности философскаго сужденія. Такъ какъ я нашелъ одно сужденіе вѣрное и опредѣленное, то считалъ необходимымъ узнать и то, въ чемъ именно состоитъ вѣрность этого сужденія? Замѣтивши относительно сужденія: *я мыслю, слѣдовательно существую,* что мое убѣжденіе въ вѣрности его возникаетъ исключительно изъ ясной идеи о томъ, что кто мыслитъ, тотъ непремѣнно существуетъ, я пришелъ къ общему выводу: всѣ идеи, постигаемыя нами совершенно

ясно и опредѣленно, суть истинныя, и затрудненіе въ отысканіи истинныхъ идей состоитъ только въ отдѣленіи ясно понимаемыхъ идей отъ всѣхъ прочихъ.

Затѣмъ, размышляя о своей способности сомнѣваться, я вывелъ изъ этого понятіе о несовершенствѣ моего существа, такъ какъ ясно, что знаніе представляетъ больше совершенства, чѣмъ сомнѣніе. Потому я рѣшился отыскивать источникъ моихъ идей въ чемъ то болѣе совершенномъ, чѣмъ мое существо, и нашелъ его именно въ какомъ-нибудь существѣ, болѣе меня совершенномъ. Что касается до идей моихъ о множествѣ внѣ меня находящихся предметовъ и явленій, какъ-то: о небѣ, о землѣ, о водѣ, о теплѣ и о тысячѣ другихъ, то я не затруднялся относительно ихъ источника, потому что, не видя въ этихъ предметахъ и явленіяхъ ничего дающаго имъ превосходства надо мной, я могъ думать, что если они истинны, то состояли въ зависимости отъ моего существа, какъ обладающаго нѣкоторымъ совершенствомъ, если же ложны, то поступили въ мое сознаніе вслѣдствіе своего небытія, т. е. постигались мною только вслѣдствіе недостатковъ, имѣющихся въ моемъ существѣ. Но такое объясненіе не приложимо къ идеѣ о существѣ болѣе совершенномъ, чѣмъ мое, такъ какъ получить эту идею отъ небытія, т. е. чтобы отъ небытія произошло какое-нибудь бытіе—предположеніе немыслимое, а какъ не менѣе противно здравому смыслу и то, чтобы болѣе совершенное зависило или происходило отъ менѣе совершеннаго, то я заключилъ, что идею свою о совершенномъ не могъ получить и отъ самого себя. Въ заключеніе всего, я пришелъ къ убѣжденію, что идею эту могло вложить въ меня только существо дѣйствительно совершеннѣйшее, чѣмъ я, или даже обладающее всѣми совершенствами, доступными моему пониманію, т. е. выражаясь короче, существо, которое было бы Богомъ. Къ этимъ сужденіямъ прибавлю, что такъ какъ мнѣ извѣстны нѣко-

торыя совершенства, которыми я не обладаю, то долженъ изъ того заключить, что не одинъ существую на свѣтѣ (позволяю себѣ употреблять здѣсь выраженія принятыя въ школѣ), а также и то, что есть существо болѣе меня совершенное, отъ котораго я завишу и отъ котораго получилъ все, чѣмъ обладаю. Еслибы я былъ одинъ и не зависилъ отъ другаго существа, получивши всю принадлежащую мнѣ часть совершенства отъ самаго себя, то я получилъ бы потому самому, отъ самого же себя, и все остальное въ совершенствѣ, чего мнѣ недостаетъ, т. е. сдѣлался бы самъ собою безконечнымъ, вѣчнымъ, неизмѣннымъ, всевѣдущимъ, всемогущимъ и со всѣми совершенствами, которыя возможно только открыть въ Богѣ. Далѣе, чтобы достигнуть возможнаго познанія совершенствъ Божіихъ, мнѣ слѣдовало, на основаніи вышеизложеннаго, разсмотрѣть только во всемъ, составляющемъ предметъ моихъ идей, было ли совершенствомъ или недостаткомъ обладаніе этими идеями, а затѣмъ я могъ быть увѣренъ, что всѣ идеи съ признаками несовершенства, — не принадлежатъ Богу, а всѣ прочія принадлежатъ Ему. Такъ, напримѣръ, я могъ быть увѣренъ, что у Бога нѣтъ ни сомнѣній, ни непостоянства, ни печали, ни всего подобнаго, принимая во вниманіе, что я самъ очень желалъ бы не имѣть способности ко всему этому. Кромѣ указанныхъ идей, я имѣлъ понятія о многихъ предметахъ вещественныхъ и обладающихъ чувствомъ и долженъ былъ признать ихъ находящимися въ моемъ мышленіи, хотя и предполагалъ всѣ свои воззрѣнія на видимое ложными или равносильными сонному бреду. Присоединяя къ первымъ идеямъ еще и эти понятія, я пришелъ къ такимъ выводамъ: различая въ себѣ ясно двѣ между собою несходныя природы, духовную и вещественную, и сообразивъ, что всякая сложность выражаетъ зависимость, а зависимость есть очевидно несовершенство, я заключилъ, что образованіе изъ двухъ природъ не можетъ принадлежать къ числу совершенствъ Божіихъ

и что, вслѣдствіе того, Богъ не имѣетъ двухъ природъ, а также и то, что если существуютъ на свѣтѣ какія-нибудь тѣла или существа разумныя, неодаренныя полнымъ совершенствомъ, то всѣ они вполнѣ зависятъ отъ всемогущества Божіяго и безъ Бога не могутъ существовать одной минуты.

Послѣ этихъ истинъ, я хотѣлъ перейдти къ розысканію другихъ подобныхъ, и избралъ для этого предметъ, изслѣдуемый геометрами. Предметъ этотъ я представилъ себѣ связнымъ тѣломъ, или пространствомъ, безконечно распространеннымъ въ длину, ширину и высоту или глубину, и раздѣленнымъ на части различныхъ формъ и величинъ, вполнѣ подвижныя, согласно предположеній геометровъ, и потомъ пробѣжалъ нѣкоторыя изъ простѣйшихъ теоремъ геометріи. Занимаясь этимъ, я обратилъ вниманіе на то, что несомнѣнность, которая приписывается геометрическимъ теоремамъ, происходитъ именно отъ очевидности ихъ доказательствъ, согласно съ вышевысказанными правилами, но, въ тоже время, меня поразила мысль о совершенной недоказанности существованія самаго предмета, который опредѣляется геометрическими теоремами, потому что если я, напримѣръ, легко убѣждаясь въ равенствѣ трехъ угловъ всякаго предположеннаго трехъугольника, двумъ прямымъ угламъ, то ничто не убѣждаетъ меня въ существованіи на свѣтѣ хотя одного геометрическаго трехъугольника. Это соображеніе заставило меня возвратиться къ найденному уже мною выводу о совершеннѣйшемъ существѣ и сдѣлать между ними сравненіе, изъ котораго и оказалось: что съ идеей о совершеннѣйшемъ существѣ, идея о бытіи этого существа, не требуя особыхъ доказательствъ, какъ въ геометрическихъ теоремахъ, также не разрывно связывается, какъ съ идеею о трехъугольникѣ связывается понятіе о равенствѣ его угловъ двумъ прямымъ, или съ идеею о сферѣ связывается понятіе о

равномъ удаленіи всѣхъ частей сферы отъ центра, или еще не разрывнѣе, потому долженъ былъ признать идею о бытіи совершеннѣйшаго существа, т. е. Бога, по крайней мѣрѣ настолько же доказанною, какъ и любая геометрическая теорема.

Многимъ кажется, однакожъ, труднымъ познавать Бога, даже понять то, что такое есть ихъ душа, но это происходитъ отъ непривычки нѣкоторыхъ людей мыслить о чемъ либо другомъ, кромѣ предметовъ вещественныхъ, и отъ привычки понимать все только помощью воображенія. Этотъ послѣдній способъ мышленія необходимъ для матеріальныхъ предметовъ, но привычка пользоваться имъ исключительно производитъ то, что все, неподлежащее дѣйствію нашего воображенія, кажется намъ неподлежащимъ и пониманію. Что такое заблужденіе существуетъ, то доказывается афоризмомъ, принятымъ схоластиками за аксіому: нѣтъ въ нашемъ пониманіи ничего, не бывшаго предварительно въ нашихъ чувствахъ, а между тѣмъ идеи о Богѣ и душѣ въ чувствахъ то никогда и не бывали! Мнѣ кажется, что тѣ, которые усиливаются постигнуть Бога и душу воображеніемъ, также поступаютъ, какъ если-бы они хотѣли постигнуть звукъ и запахъ посредствомъ зрѣнія, или поступали бы еще глупѣе того, принимая во вниманіе, что зрѣніе не съ меньшею вѣрностью, чѣмъ слухъ или обоняніе, передаетъ намъ свойственныя ему впечатлѣнія, тогда какъ воображеніе или чувства ни въ чемъ не могутъ насъ убѣдить безъ помощи разума.

Наконецъ, если найдутся люди, которыхъ представленныя мною доказательства не убѣдятъ еще въ существованіи Бога и души, то я скажу имъ, что всѣ прочія идеи, которыя кажутся имъ болѣе опредѣленными, какъ напр. о существованіи человѣческаго тѣла, о существованіи звѣздъ, о существованіи земли и тому подобныя, менѣе

вѣрны, чѣмъ идеи о Богѣ и душѣ. Потому что, хотя увѣренность въ первыхъ идеяхъ такова, что какъ будто только безумный можетъ въ нихъ сомнѣваться, тѣмъ не менѣе, когда дѣло идетъ о доказательности метафизической, нельзя безъ явнаго безумія отрицать поводовъ къ сомнѣнію въ вѣрности матеріальныхъ идей, принявъ во вниманіе, что мы можемъ во снѣ воображать себя не съ такимъ тѣломъ, какое имѣемъ, видѣть совсѣмъ другія звѣзды или совсѣмъ иную землю, т. е. то, чего вовсе не существуетъ. Изъ чего, спрашивается, мы можемъ заключить, что мысли во снѣ менѣе вѣрны, чѣмъ мысли на яву, хотя первыя бываютъ ясны и опредѣленны не менѣе вторыхъ? Вызываю самыхъ бойкихъ мыслителей, потрудиться надъ этимъ вопросомъ и найти способъ устранять это сомнѣніе, не признавая предварительно бытія Божія. По моей-же системѣ вопросъ разрѣшается такъ: если я принялъ предварительно за правило, что все понимаемое нами ясно есть истинное, то это правило вѣрно только при условіи признанія бытія Божія, совершенствъ Божіихъ и происхожденія всего отъ Бога, а потому всѣ наши понятія, въ чемъ они ясны, происходятъ отъ Бога и въ томъ самомъ истинны и согласны съ дѣйствительностью. Если мы имѣемъ понятія ложныя, то это понятія смутныя и неясныя, происходящія отъ небытія, т. е. понятія наши смутны вслѣдствіе нашего несовершенства. Очевидно, что не менѣе противно здравому смыслу происхожденіе лжи и несовѣршенства отъ Бога, какъ происхожденіе истины и совершенства отъ небытія. Но если бы мы не были увѣрены въ томъ, что все въ насъ истинное и согласное съ дѣйствительностью происходитъ отъ существа совершеннаго и безконечнаго, то какъ бы ни ясны и опредѣленны были наши понятія, мы не имѣли бы достаточнаго основанія признавать ихъ истинными.

Утвердившись въ истинѣ послѣдняго правила, вслѣдст-

віе признанія бытія Божія и души, легко уже доказать что сонныя наши бредни не могутъ возбуждать сомнѣній относительно вѣрности нашихъ мыслей въ бодрственномъ состояніи. Еслибы случилось даже, что намъ пришла въ голову очень ясная идея во снѣ (какъ, напримѣръ, еслибы геометръ во снѣ изобрѣлъ какое нибудь новое доказательство), то сонъ не воспрепятствовалъ бы вѣрности идеи; такъ какъ сны, представляя намъ предметы въ томъ же видѣ, въ какомъ ихъ представляютъ чувства, не болѣе должны возбуждать наше недовѣріе, какъ и чувства, часто насъ обманывающія и въ то время, когда мы не спимъ, какъ, напр., когда люди одержимые разлитіемъ желчи видятъ все въ желтомъ цвѣтѣ, или когда звѣзды, или другія отдаленныя тѣла кажутся намъ меньшими, чѣмъ они суть въ самомъ дѣлѣ. Вообще, мы должны понимать, что спимъ ли мы, или бодрствуемъ—убѣждаться мы должны только сужденіями здраваго смысла. Прошу замѣтить, что я говорю исключительно о нашемъ разсудкѣ, а не о нашемъ воображеніи или чувствахъ; такъ, если мы видимъ явственно солнце, то не должны считать его имѣющимъ ту именно величину, какую видимъ, или если можемъ вообразить себѣ голову льва, приставленную къ тѣлу козы, то не должны признавать существованія химеры, потому что разумъ нашъ не утверждаетъ дѣйствительности всего того, что мы можемъ вообразить или что мы видимъ, но требуетъ какой нибудь истины въ основаніе всѣхъ нашихъ идей и соображеній. Богъ во всемъ истинный и совершенный, безъ начала истины не могъ вложить въ насъ какого нибудь мышленія. Что же касается до вопроса, почему наши разсужденія во снѣ никогда не бываютъ настолько же ясны и связны, какъ на яву, хотя воображеніе наше бываетъ иногда во снѣ очень живо и сильно возбуждено, то разумъ нашъ намъ также говоритъ, что мышленія наши, неспособныя быть всегда истинными, вслѣдствіе нашего несовершенства, скорѣе могутъ явиться съ вѣрной

своей стороны въ то время, когда мы бодрствуемъ, чѣмъ когда мы спимъ *).

Пятая часть.

Я охотно представилъ бы здѣсь читателю весь рядъ истинъ, выведенныхъ мною изъ двухъ найденныхъ главныхъ, но, принимая во вниманіе, что для этого мнѣ пришлось бы коснуться многихъ вопросовъ, составляющихъ предметъ спора между учеными людьми, а я съ этими господами ссориться не желаю, то нахожу удобнѣйшимъ воздержаться отъ подробнаго изложенія. Скажу объ этихъ истинахъ только вообще, предоставивъ умнымъ людямъ разсудить самимъ — слѣдуетъ или не слѣдуетъ знакомить публику съ означенными истинами подробно. При новыхъ моихъ розысканіяхъ я твердо слѣдовалъ тому же принципу, которымъ руководствовался для доказательства существованія Бога и души, т. е. не признавалъ того за истину, что не представлялось мнѣ яснѣе и опредѣленнѣе самыхъ геометрическихъ доказательствъ. И, при всей трудности слѣдовать этому принципу, смѣю сказать, что мнѣ удалось въ короткое время разрѣшить всѣ труднѣйшіе вопросы философіи. Въ особенности я успѣлъ замѣтить нѣкоторые законы, столь твердо установленные Богомъ въ природѣ и столь ясно сознаваемые нашими душами, что послѣ самаго строгаго обсужденія этихъ законовъ, мы убѣждаемся въ точномъ исполненіи ихъ во всемъ существующемъ и совершающемся въ мірѣ. Потомъ, разсматривая послѣдствія замѣченныхъ мною законовъ, я открылъ, какъ мнѣ кажется, многія истины, болѣе полезныя и важныя, чѣмъ тѣ, которыя мнѣ были прежде извѣстны или которыя я надѣялся прежде познать.

*) [illegible] Прим. пер.

Принимая, однакожъ, во вниманіе, что я изложилъ уже важнѣйшія изъ моихъ открытій въ особомъ сочиненіи, которое по нѣкоторымъ причинамъ не могу теперь напечатать, я не нахожу лучшаго способа къ сообщенію моихъ выводовъ, какъ посредствомъ краткаго обозрѣнія вышеупомянутаго моего сочиненія. Въ этомъ произведеніи я старался изложить всѣ свои соображенія о естественныхъ свойствахъ матеріальныхъ предметовъ. Но подобно тому какъ живописецъ, который, не имѣя возможможности изобразить на полѣ картины всѣ стороны твердаго тѣла, избираетъ одну главную его сторону, которую и освѣщаетъ, оттѣняя остальныя стороны и какъ бы скрадывая ихъ за освѣщенною стороною, такъ точно и я, опасаясь того, что не съумѣю высказать всего мною изслѣдованнаго, предпринялъ сначала изложить во всей полнотѣ только мои соображенія о свѣтѣ. Потомъ, по поводу этой матеріи, я нашелъ возможнымъ сказать коечто и о солнцѣ и о неподвижныхъ звѣздахъ (такъ какъ отъ нихъ происходитъ весь нашъ свѣтъ), о видимомъ небѣ (такъ какъ оно передаетъ намъ свѣтъ), о планетахъ, кометахъ и землѣ, (такъ какъ они отражаютъ свѣтъ), особо о тѣлахъ на землѣ по отношенію къ ихъ цвѣту, прозрачности или способности давать отъ себя свѣтъ, и, наконецъ, о человѣкѣ, какъ о существѣ видящемъ свѣтъ. Но, чтобы оттѣнить не много всѣ эти предметы и получить право говорить объ нихъ свободно, не прибѣгая ни къ утвержденію, ни къ отрицанію мнѣній, принятыхъ учеными, я рѣшился оставить этотъ существующій міръ на жертву ученымъ спорамъ; самъ же вознамѣрился заняться только міромъ новымъ, міромъ, для образованія котораго Богъ создалъ бы теперь въ воображаемомъ пространствѣ, достаточное количество матеріи, произвелъ бы изъ этой матеріи самый поэтическій хаосъ, вращая безпорядочно вещественныя частицы, и потомъ предоставилъ бы природѣ дѣйствовать самой по тѣмъ законамъ, которые

Онъ ей далъ. Имѣя въ виду это созданіе моего воображенія, я началъ съ того, что описалъ предполагаемую матерію, и съ такою ясностью, что, какъ мнѣ кажется, однѣ сужденія о Богѣ и душѣ могутъ быть яснѣе этаго описанія, тѣмъ болѣе, что въ моей матеріи я отвергнулъ всѣ тѣ свойства или формы, которыя подаютъ поводъ къ ученымъ спорамъ и вообще все то, что не познается нами настолько легко, чтобы нельзя было даже притвориться непонимающимъ. Далѣе, я изложилъ законы природы, доказывая сомнительные между ними, исключительно на основаніи одной идеи о совершенствахъ Божіихъ, въ особенности стараясь показать, что если бы Богъ создалъ нѣсколько міровъ, то не могло бы быть ни одного между ними, въ которомъ не дѣйствовали бы общіе законы. Послѣ этого, я показалъ, какимъ образомъ большая часть хаотической матеріи должна была, по законамъ природы, образовать изъ себя нѣчто подобное нашему небу, и, въ тоже время, нѣкоторая часть матеріи должна была образовать землю съ планетами и кометами, а другая часть матеріи образовала солнце и неподвижныя звѣзды. Здѣсь излагая подробно о свѣтѣ, я указалъ свойство свѣта находящагося въ солнцѣ и неподвижныхъ звѣздахъ, а также разъяснилъ, какимъ образомъ свѣтъ пробѣгаетъ въ одно мгновеніе неизмѣримое пространство неба и какимъ образомъ онъ отражается на землѣ отъ планетъ и кометъ. Къ этому я присоединилъ нѣкоторыя объясненія о составѣ, положеніи, движеніи и различныхъ свойствахъ небеснаго пространства и звѣздъ, достигая во всемъ этомъ изложеніи, какъ мнѣ кажется, той идеи, что нѣтъ ничего такого въ мірѣ существующемъ, чтобы не должно было или не могло явиться въ мірѣ мною описанномъ. Затѣмъ, переходя къ особенному разсмотрѣнію земнаго шара, и предположивъ, что Богъ не далъ свойства тяжести матеріи его составляющей, указалъ какъ всѣ части земли должны были тяготѣть къ центру шара и какъ, вслѣд-

ствіе нахожденія на поверхности земли воды и воздуха, а также расположенія неба и звѣздъ, и въ особенности луны, должны были произойти приливы и отливы водъ совершенно подобные тѣмъ, которые замѣчаются въ нашихъ моряхъ, вмѣстѣ съ токами воды и воздуха отъ востока къ западу, подобными замѣчаемымъ нами между тропиками. Я показалъ, какимъ образомъ горы, моря, источники и рѣки могли естественно появиться на землѣ, какъ металлы появились въ рудникахъ, растенія на поляхъ и вообще какъ образовались на землѣ тѣла называемыя смѣшанными или сложными. Между прочимъ, принимая во вниманіе, что исключая звѣздъ, мнѣ извѣстенъ въ мірѣ одинъ только производитель свѣта—огонь, я обратилъ особенное вниманіе на ясное изложеніе всѣхъ свойствъ огня, его источниковъ, его питанія и появленія его иногда съ однимъ тепломъ безъ свѣта, а иногда съ однимъ свѣтомъ безъ тепла. Я указалъ на измѣненіе посредствомъ огня цвѣта тѣлъ и другихъ ихъ свойствъ, на плавленіе огнемъ однихъ тѣлъ и на приданіе твердости другимъ, на превращеніе почти что всѣхъ тѣлъ посредствомъ огня въ пепелъ и дымъ и, наконецъ, указалъ, какъ одною силою своего дѣйствія, огонь превращаетъ золу въ стекло и, находя это послѣднее превращеніе однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ природѣ, описалъ его съ особенною подробностью.

Я не хотѣлъ, однакожъ, изъ всего описаннаго мною вывести такое заключеніе, что міръ сотворенъ именно въ предположенномъ мною порядкѣ, такъ какъ находилъ болѣе вѣроятія въ томъ, что Богъ съ самаго начала сдѣлалъ міръ таковымъ, каковъ онъ есть теперь. Но вѣрно то, согласно и съ мнѣніемъ всѣхъ богослововъ, что Богъ тѣмъ же самымъ дѣйствіемъ поддерживаетъ существованіе міра, которымъ и сотворилъ его, откуда можно прійти къ такому убѣжденію, не унижая при томъ нисколько

чуда сотворенія міра, что это единство дѣйствій Божіихъ состоитъ именно въ предоставленіи природѣ самой, по установленнымъ отъ Бога законамъ, образовать міръ изъ первоначальной формы хаоса, и постепенно довести до того положенія, въ какомъ мы его видимъ нынѣ. Для насъ болѣе понятна природа матеріальныхъ предметовъ, когда мы предполагаемъ постепенное ихъ образованіе, чѣмъ когда представляемъ ихъ себѣ вполнѣ сформированными.

Отъ описанія неодушевленныхъ предметовъ и растеній я перешелъ къ описанію животныхъ вообще и человѣка въ особенности. Но такъ какъ я не имѣлъ о человѣкѣ достаточныхъ познаній, чтобы говорить объ немъ съ тою же увѣренностію, съ какою говорилъ объ остальномъ, т. е. доказывая всѣ явленія причинами ихъ и указывая, отъ какихъ началъ и въ какой формѣ природа должна производить явленія, то счелъ за удобнѣйшее предположить, что Богъ создалъ тѣло человѣка совершенно подобнымъ нашимъ тѣламъ какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ отношеніи, не влагая, однакожъ, въ это тѣло другой матеріи, кромѣ принятой мною, и не давая человѣку ничего похожаго на разумную душу, или на душу растительную, или чувственную. Богъ вложилъ только въ это тѣло, по моему предположенію, одинъ изъ тѣхъ огней безъ свѣта, о которыхъ я выше говорилъ и которые я нахожу одного свойства съ огнемъ, воспламеняющимъ сырое слеглое сѣно, или съ огнемъ, возбуждающимъ броженіе въ молодомъ винѣ. Затѣмъ, разсматривая внутреннія отправленія, которыя, должны были возникнуть въ тѣлѣ человѣка отъ означеннаго огня, я нашелъ всѣ тѣ явленія, которыя замѣчаются въ нашемъ тѣлѣ и происходятъ безъ участія нашей мысли, а слѣдовательно и души, этой особой части нашего существа, исключительно назначенной для мышленія. Отправленія эти я нашелъ, притомъ, одного свойства съ отправленіями у животныхъ неразумныхъ (въ

чемъ и заключается наше сходство съ животными), но въ тѣхъ же явленіяхъ я не находилъ ничего зависящаго отъ нашей мысли и принадлежащаго намъ исключительно какъ людямъ, пока не предположилъ, что Богъ создалъ разумную душу и соединилъ ее особымъ образомъ (мною описаннымъ) съ тѣломъ человѣка.

Чтобы имѣть понятіе о томъ, какимъ образомъ я изложилъ въ моемъ сочиненіи означенные вопросы, представляю здѣсь для примѣра мое объясненіе кровообращенія, того отправленія въ тѣлахъ животныхъ, которое можно назвать самымъ основнымъ и общимъ. Замѣчу, однакожъ, предварительно, что лицамъ, незнакомымъ съ анатоміей, слѣдуетъ, прежде чѣмъ читать нижеслѣдующее, взять и разсмотрѣть разрѣзанное сердце какого-нибудь большаго животнаго, дышащаго легкими. Въ разрѣзанномъ сердцѣ, читатель пусть обратитъ вниманіе на двѣ камеры или пустоты, которыя въ немъ находятся: а) на камеру съ правой стороны, къ которой примыкаютъ двѣ очень широкія трубки, именно: полая вена, главный пріемникъ крови, играющая роль подобную стволу въ деревѣ, тогда какъ всѣ другія вены суть ея вѣтви, и вена артеріальная, не удачно такъ названная, потому что на самомъ дѣлѣ это есть артерія, выходящая изъ сердца и раздѣляющаяся на множество вѣтвей, проникающихъ со всѣхъ сторонъ въ легкія, и б) на камеру съ лѣвой стороны, къ которой также примыкаютъ двѣ трубки, столь же, если еще не болѣе, широкія, именно: артерія венозная, также неудачно названная, потому что на самомъ дѣлѣ она есть вена, идущая отъ легкихъ, гдѣ раздѣлена на многія вѣтви переплетенныя съ вѣтвями вены артеріальной и съ вѣтвями прохода, называемаго свисткомъ, назначеннымъ для прохода воздуха къ легкимъ, и большая артерія, которая, выходя изъ сердца, распространяетъ свои вѣтви по всему тѣлу. Послѣ этого, я желалъ бы, чтобы читатель обратилъ особенное вниманіе

на одинадцать маленькихъ клапановъ, которые какъ двери закрываютъ четыре отверстія, находящіяся въ двухъ камерахъ, именно: три клапана при входѣ полой вены, расположенные такимъ образомъ, что препятствовать вступленію крови въ правую камеру сердца они не могутъ, но рѣшительно преграждаютъ для крови выходъ изъ сердца; три клапана при входѣ въ сердце вены артеріальной, которые расположены въ обратномъ порядкѣ, т. е. даютъ крови выходить изъ правой камеры въ легкія, но не выпускаютъ крови изъ легкихъ; два клапана при входѣ венозной артеріи, открывающіе путь для крови отъ легкихъ въ лѣвую камеру сердца и недопускающіе обратнаго движенія, и, наконецъ, три клапана при входѣ большой артеріи, допускающіе только выходъ крови изъ сердца. Число клапановъ объясняется очень просто фигурою отверстій, ими закрываемыхъ, такъ: отверстіе артеріи венозной овально, почему съ удобствомъ закрывается двумя клапанами, тогда какъ прочія отверстія круглы и требуютъ по три клапана. Кромѣ того, надобно обратить вниманіе на то, что большая артерія и вена артеріальная имѣютъ стѣнки болѣе плотныя и твердыя, чѣмъ артерія венозная и полая вена, и что эти двѣ послѣднія, расширяясь передъ входомъ въ сердце, образуютъ два кошелька, именуемые ушками сердца и составленные изъ того же мяса, какъ и сердце. Наконецъ, надобно замѣтить, что ни въ какой части тѣла нѣтъ такого жара какъ въ сердцѣ, и что этотъ жаръ достаточно силенъ для того, чтобы быстро разрѣдить и расширить каждую каплю крови, которая войдетъ въ камеру сердца, подобно тому, какъ это дѣлается со всякою жидкостью, падающею по каплѣ въ сильно нагрѣтый сосудъ.

По разсмотрѣніи всего вышеписаннаго, движеніе сердца объясняется очень просто слѣдующими соображеніями: когда камеры сердца пусты, то кровь притекаетъ въ правую камеру изъ полой вены, а въ лѣвую—изъ артеріи венозной вслѣдствіе того, что эти двѣ трубки всегда на-

полнены кровью и ихъ отверстія въ сердце не могутъ быть тогда закрыты. Но какъ скоро въ каждую изъ камеръ вошло по каплѣ крови, то эти капли, очень крупныя, соотвѣтственно обширности трубокъ и изобилію въ нихъ крови, тотъ-часъ же расширяются и разрѣжаются, подвергаясь дѣйствію жара, а потомъ, расширяя самое сердце, закрываютъ клапаны, посредствомъ которыхъ вошли въ сердце и препятствуютъ вступленію въ него новой крови. Продолжая свое расширеніе, двѣ капли крови открываютъ клапаны другихъ двухъ отверстій въ сердце, которыми и выходятъ вонъ, наполняя въ тоже мгновеніе всѣ вѣтви вены артеріальной и большой артеріи, послѣ чего сердце и обѣ артеріи тотъ-часъ же опадаютъ, такъ какъ кровь, войдя въ артеріи, охлаждается, и арертіальныя отверстія закрываются. Тогда вновь вступаютъ двѣ капли крови чрезъ венозныя отверетія, вновь расширяютъ сердце и производятъ въ немъ прежнее движеніе, при чемъ, надобно замѣтить, кровь проходитъ также и чрезъ два кошелька называемые ушками сердца, производя въ нихъ движеніе противоположное движенію самаго сердца, т. е. ушки опадаютъ, когда сердце расширяется и наоборотъ. Ко всему этому прибавлю для тѣхъ, которые, не понимая силы математическихъ доказательствъ и не имѣя навыка отличать истинныя причины отъ правдоподобныхъ, могли бы отвергнуть мои объясненія безъ обсужденія ихъ, что движеніе мною объясненное настолько же неизбѣжно зависитъ отъ расположенія органовъ видимыхъ не вооруженнымъ глазомъ въ сердцѣ, отъ теплоты въ сердцѣ, чувствительной при осязаніи, и отъ свойства крови, изслѣдуемаго опытомъ, насколько движеніе часовъ зависитъ отъ силы, расположенія и фигуры часовыхъ колесъ и гирь. *)

Однакожъ, здѣсь еще является такой вопросъ: какимъ образомъ кровь въ венахъ не истощается, и отъ чего

*) Кислородъ былъ еще не открытъ во времена Декарта.—Пр. пер.

артеріи не переполняются кровью, такъ какъ вся кровь, переходящая чрезъ сердце, поступаетъ въ артеріи? Чтобы отвѣчать на это, мнѣ приходится только повторить сказанное по этому предмету однимъ англійскимъ врачемъ **), которому принадлежитъ слава перваго объясненія вопроса, именно: что на оконечности артерій имѣется множество мельчайшихъ отверстій, посредствомъ которыхъ кровь, получаемая изъ сердца, переходитъ изъ артерій въ мелкія развѣтвленія венъ и возвращается опять въ сердце. Вслѣдствіе этого, движеніе крови выходитъ ничѣмъ инымъ, какъ постояннымъ круговращеніемъ. Англійскій врачъ доказываетъ свою систему очень хорошо опытомъ, дѣлаемымъ постоянно хирургами, когда эти послѣдніе для усиленія истеченія крови при кровопусканіи дѣлаютъ на рукѣ больнаго перевязь не слишкомъ крѣпкую и повыше того мѣста, гдѣ разсѣчена, жила и которые знаютъ при этомъ, что кровь пойдетъ слабѣе, если перевязать руку ниже разсѣченія или если перевязать руку хотя и выше разсѣченія, но крѣпко. Понятно, почему это все такъ: перевязка, умѣренно стянутая, можетъ воспрепятствовать возвращенію крови, находящейся въ рукѣ, черезъ вены въ сердце, но не препятствуетъ притоку крови путемъ артерій, такъ какъ артеріи находятся подъ венами и по поплотности своихъ полостей труднѣе сжимаются перевязкой, чѣмъ вены, вмѣстѣ съ тѣмъ и кровь болѣе стремится къ проходу въ руку артеріями, чѣмъ къ возвращенію въ сердце черезъ вены. Но какъ, при всемъ этомъ, кровь все-таки идетъ въ отверстіе, которое дѣлается хирургами въ одной изъ венъ, то необходимо надобно предположить, что ниже перевязки, именно въ оконечностяхъ руки, существуютъ сообщенія между артеріями и венами, которыми кровь и переходитъ изъ артерій въ вены. Англійскій врачъ доказываетъ также очень хо-

**) Gul. Harvaeus. De motu cordis.

рошо свою систему кровообращенія, указывая на мелкіе клапаны, которые расположены во многихъ мѣстахъ внутри венъ, и посредствомъ которыхъ преграждается для крови путь отъ середины тѣла къ оконечностямъ, но открывается свободное движеніе отъ оконечностей къ сердцу; онъ указываетъ еще на тотъ опытъ, что вся кровь, находящаяся въ тѣлѣ, можетъ быть въ короткое время выпущена, если перерѣзать одну только артерію, и выпущена даже и въ томъ случаѣ, если артерія будетъ крѣпко перевязана близъ самаго сердца и перерѣзана между сердцемъ и перевязкой, т. е. когда нельзя будетъ предполагать, что кровь идетъ изъ какого нибудь другаго мѣста, кромѣ артеріи.

Много есть явленій, указывающихъ на объясненную мною причину движенія крови, какъ на дѣйствительную: такъ, если обратить вниманіе на то, что различіе, замѣчаемое между кровью, выходящею изъ артерій, можетъ происходить только отъ разрѣженія и какъ бы дистиллированія крови во время перехода черезъ сердце, отъ чего и кровь оказывается горячѣе и живѣе тотчасъ по выходѣ изъ сердца, т. е. при вступленіи своемъ въ артеріи, чѣмъ передъ тѣмъ, какъ ей вступить въ сердце, т. е. когда она проходитъ вены. Надобно замѣтить, при этомъ, что различіе между артеріальною и венозною кровью значительно близъ сердца, а не въ частяхъ тѣла отдаленныхъ отъ перваго. Самая твердость полостей, изъ которыхъ составлены вена артеріальная и большая артерія, показываетъ, что кровь въ нихъ двигается съ большею силою, чѣмъ въ венахъ. Кромѣ того, нѣтъ другой цѣли для большаго развитія лѣвой пустоты сердца вмѣстѣ съ большою артеріею, сравнительно съ правою пустотою и артеріальною веною, какъ доставленіе большаго простора для крови, выходящей изъ венозной артеріи, требующей большаго простора, потому что, побывавши только въ легкихъ

по выходѣ своемъ изъ сердца, эта кровь расширяется съ большею силою и легкостью, чѣмъ кровь изъ полой вены. Чтобы могли угадывать врачи, щупая пульсъ, если бы они не знали, что отъ измѣненія въ составѣ крови зависитъ большее или меньшее, скорѣйшее или медленнѣйшее разрѣженіе крови теплотою сердца. Если же задать себѣ затѣмъ вопросъ, какимъ образомъ теплота сердца сообщается всѣмъ членамъ, то окажется, что это выполняется только посредствомъ крови, согрѣвающейся въ сердцѣ и разносящей тепло по всему тѣлу. Такъ, когда мы лишимъ какую нибудь часть тѣла крови, то вмѣстѣ съ тѣмъ лишимъ ее и теплоты, и будь сердце также горячо, какъ раскаленное желѣзо, оно не могло бы согрѣвать рукъ и ногъ, не посылая безпрерывно къ оконечностямъ новой крови. Изъ этихъ выводовъ мы познаемъ также, что истинное назначеніе дыханія есть сообщеніе легкимъ достаточнаго количества свѣжаго воздуха, для того чтобы кровь, вышедшая изъ правой камеры сердца и тамъ разрѣдившаяся до парообразнаго состоянія, могла бы въ легкихъ опять сгуститься; иначе, поступая въ лѣвую камеру сердца, кровь не была бы способна питать огонь этой камеры. Заключеніе наше подтверждается тѣмъ, что у животныхъ, неимѣющихъ легкихъ, въ сердцѣ всего одна камера, а также у младенцевъ, лишенныхъ возможности дышать во время нахожденія ихъ въ чревѣ матери, существуетъ отверстіе, которымъ изъ полой вены кровь проходитъ въ лѣвую камеру сердца, а также проходъ, которымъ кровь протекаетъ изъ артеріальной вены въ большую артерію, минуя легкія. Какимъ образомъ, наконецъ, производилось бы пищевареніе въ желудкѣ, если бы сердце не сообщало желудку теплоты путемъ артерій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не сообщало бы ему нѣкоторыя изъ жидкихъ частей крови, помогающихъ раствörенію пищи, поступившей въ желудокъ? Трудно ли угадать при этомъ дѣйствія, обращающее сокъ пищи въ кровь,

если обратить вниманіе на то, что кровь дистиллируется, проходя чрезъ сердце болѣе ста или двухъ сотъ разъ ежедневно? Есть ли надобность искать въ чемъ либо другомъ причины питанія и образованія различныхъ жидкостей въ нашемъ тѣлѣ, кромѣ той силы, съ которою кровь, разрѣжаясь, двигается отъ сердца къ оконечностямъ артерій, и мѣстами оставляетъ свои части, задержанныя разными препятствіями, выталкивая въ тоже время изъ занятыхъ мѣстъ другія жидкости, имѣющіяся въ тѣлѣ? Различное положеніе, размѣры и фигура отверстій, которыми проходитъ кровь, производятъ при этомъ то, что одни части крови достигаютъ скорѣе извѣстныхъ членовъ тѣла, чѣмъ другія, и вообще представляется явленіе, подобное получаемому отъ сортировальныхъ машинокъ, въ которыхъ зерна различной величины отдѣляются одни отъ другихъ, проходя черезъ доски просверленныя дырочками разныхъ размѣровъ. Но что есть наиболѣе замѣчательнаго во всей описанной внутренной дѣятельности, такъ это образованіе животныхъ газовъ, которыя подобны тончайшему воздуху или еще болѣе—пламени самому чистому и живому, и которыя, выходя въ большомъ изобиліи изъ сердца въ мозгъ, проходятъ изъ этаго послѣдняго черезъ нервы въ мускулы и даютъ движеніе всѣмъ членамъ. Объяснить образованіе этихъ газовъ изъ частей крови, наиболѣе подвижныхъ и тонкихъ, и, слѣдовательно, наиболѣе способныхъ образовать газы, можно только посредствомъ восхожденія именно такихъ частей крови преимущественно въ мозгъ. Но для этаго необходимо обратить вниманіе: на особенную прямизну артерій, идущихъ отъ сердца къ мозгу, и на тотъ законъ механики, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ законъ для всей природы, что когда нѣсколько предметовъ двигаются въ одно мѣсто путемъ недостаточно просторнымъ для всѣхъ, точно такъ какъ двигаются частицы крови въ мозгу изъ лѣвой камеры сердца, то удобоподвижнѣйшія частицы отталкиваютъ частицы менѣе подвижныя и достигаютъ цѣли однѣ.

Все это я въ подробности изложилъ въ сочиненіи, которое имѣлъ намѣреніе напечатать.

Далѣе, я перешелъ къ устройству нервовъ и мускуловъ, дающему возможность животнымъ газамъ приводить въ движеніе члены, какъ это замѣчаютъ въ недавно отрубленныхъ головахъ, имѣющихъ движеніе и грызущихъ землю, хотя онѣ бываютъ уже неодушевленны. Я указалъ на тѣ измѣненія въ мозгу, отъ которыхъ происходятъ: бодрствованіе, сонъ и сны, а также—какимъ образомъ свѣтъ, звуки, запахъ, вкусъ, тепло и всѣ другія качества матеріальныхъ предметовъ могутъ порождать, при посредствѣ чувствъ, различныя понятія въ мозгу, и какимъ образомъ голодъ, жажда и другія внутреннія страсти также вносятъ свои идеи въ мозгъ. Я изъяснилъ, что должно считать здравымъ смысломъ, принимающимъ всѣ первоначальныя идеи, что должно признавать за память, сохраняющую эти идеи и за фантазію, могущую измѣнять идеи и создавать новыя, или, распредѣляя животные газы по мускуламъ, приводить въ движеніе члены тѣла разнообразнѣйшимъ образомъ, какъ по поводу внѣшнихъ впечатлѣній, такъ и по поводу внутреннихъ движеній въ тѣлѣ, настолько, насколько члены наши могутъ двигаться независимо отъ нашей воли. Всѣ эти объясненія не должны удивлять того, кто сравнивъ автоматовъ, дѣлаемыхъ механиками изъ ограниченнаго числа матеріаловъ и тѣмъ не менѣе выполняющихъ многія движенія, съ животными, устроенными такъ многосложно изъ костей, мускуловъ, нервовъ, артерій, венъ и другихъ частей, будетъ смотрѣть на послѣднихъ, а также и на тѣло человѣка, какъ на машины, превосходящія по совершенству своему всякую человѣческую изобрѣтательность. Но это потому, что онѣ созданы Богомъ. Здѣсь я остановился особенно на такомъ соображеніи, что если бы нашлись машины, снабженныя органами и внѣшнимъ видомъ обезь-

янъ, или другихъ животныхъ не разумныхъ, то мы никакъ не могли бы отличить машины отъ настоящихъ животныхъ. Напротивъ того, если бы имѣлись автоматы, подобные людямъ по устройству тѣла и дѣйствіямъ, чего нельзя считать невозможнымъ, то у насъ всегда было бы два вѣрныхъ способа для различенія однихъ отъ другихъ. Первый изъ этихъ способовъ: открытіе въ автоматѣ недостатка въ дарѣ слова или въ способности какими нибудь знаками передавать свои мысли другимъ. Можно еще вообразить себѣ столь искусно сдѣланнаго автомата, который бы произносилъ слова, даже произносилъ бы ихъ по поводу какихъ нибудь внѣшнихъ на него дѣйствій, какъ напр. спрашивалъ бы, чего отъ него хотятъ, когда къ нему прикоснулись, или бы кричалъ, что ему больно и т. под., но нельзя представить себѣ автомата способнаго соединять слова такъ разнообразно, чтобы отвѣчать на всякіе вопросы, какъ это могутъ дѣлать и глупѣйшіе люди. Второй способъ для различенія состоитъ въ сравненіи дѣйствій автомата и человѣка: какъ бы хорошо (даже лучше человѣка), и какъ бы разнообразно ни дѣйствовалъ автоматъ, всегда найдутся дѣйствія вовсе не имѣющіяся у автомата, которыя и покажутъ, что движенія его происходятъ безъ сознанія и вслѣдствіе одного расположенія его органовъ. Тогда какъ у насъ разумъ служитъ намъ всеобщимъ двигателемъ во всѣхъ случаяхъ жизни, для автомата необходимо особое возбуждающее къ дѣйствію устройство органовъ для каждой случайности, откуда очевидно, что въ одной машинѣ невозможно совмѣстить столько двигающихъ органовъ, чтобы ихъ достало на всѣ случайности жизни. Указанными двумя способами можно найти также различіе между людьми и животными. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не обратить особеннаго вниманія на то обстоятельство, что нѣтъ столь глупыхъ и безсмысленныхъ людей, не исключая и сумасшедшихъ, которые не были бы въ состояніи связать свои слова въ

рѣчь для передачи своихъ мыслей другимъ, тогда какъ, напротивъ того, нѣтъ животнаго столь совершеннаго или способнаго, который могъ бы это сдѣлать. Происходитъ подобное никакъ не отъ недостатка въ органахъ, потому что мы видимъ сорòкъ и попугаевъ, способныхъ произносить слова также, какъ и мы, и тѣмъ не менѣе неспособныхъ говорить также, какъ мы, т. е. выказывать, что они понимаютъ то, что говорятъ. Напротивъ того, люди, рожденные глухо-нѣмыми и потому лишенные настолько же или болѣе чѣмъ животныя способности говорить, обыкновенно придумываютъ различные знаки, посредствомъ которыхъ сообщаютъ свои мысли другимъ людямъ, живущимъ съ ними и имѣющимъ время изучить ихъ особый языкъ. И это доказываетъ не только то, что у животныхъ менѣе разума, чѣмъ у человѣка, но то, что у животныхъ вовсе нѣтъ разума, потому что изъ предъидущаго видно, какъ мало нужно разума для того, чтобы умѣть говорить. Замѣчая неравенство способностей между животными одного рода, также какъ и между людьми, мы не можемъ, однакожъ, ожидать, что какая нибудь обезьяна или попугай, совершеннѣйшіе въ своемъ родѣ, поровняются въ способности говорить съ глупѣйшимъ или вовсе съ помѣшаннымъ ребенкомъ, что̀ происходитъ отъ совершенно другой природы души животныхъ въ сравненіи съ нашею. При этомъ не должно смѣшивать словъ съ естественными тѣлодвиженіями, выражающими страсти, которыя могутъ дѣлать животныя и машины, не должно также предполагать, по примѣру древнихъ, что животныя говорятъ, но мы не понимаемъ только ихъ языка. Предположеніе древнихъ не справедливо, потому что животныя, имѣя многіе органы подобные нашимъ, могли бы также сообщить свои мысли намъ, какъ и подобнымъ себѣ. Достойно вниманія еще то обстоятельство, что хотя есть много животныхъ, показывающихъ въ нѣкоторыхъ своихъ дѣйствіяхъ болѣе искусства, чѣмъ мы, но мы [illegible]

димъ въ тоже время этихъ животныхъ вовсе лишенныхъ искусства въ остальныхъ дѣйствіяхъ, такъ что ихъ особыя способности не доказываютъ присутствія въ нихъ ума. Имѣй животныя ума болѣе нашего—онѣ лучше бы насъ дѣлали все, но они ума вовсе не имѣютъ и ими дѣйствуетъ просто природа сообразно съ устройствомъ ихъ органовъ, подобно тому какъ часы, составленные изъ однихъ колесъ и пружинъ, съ бóльшею точностію измѣряютъ время, чѣмъ мы можемъ измѣрять его со всѣмъ нашимъ разумомъ.

Послѣ всего этаго, я описалъ разумную душу и показалъ, что она отнюдь не имѣетъ своимъ источникомъ силы матеріи, подобно другимъ вещамъ, о которыхъ я говорилъ, но что она именно была особо сотворена. За тѣмъ указалъ, какъ недостаточно того, чтобы душа помѣщалась въ тѣлѣ, подобно кормчему въ кораблѣ, какъ бы для управленія членами тѣла, но необходимо, чтобы она была связана съ тѣломъ тѣснѣйшимъ образомъ, получила бы, сверхъ того, чувства и желанія подобныя нашимъ, и такимъ образомъ составила бы настоящаго человѣка. Впрочемъ, въ этой части моего сочиненія, я распространился нѣсколько на счетъ души, какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, принимая во вниманіе, послѣ заблужденія тѣхъ, которые отрицаютъ бытіе Божіе (заблужденіе, достаточно, полагаю, мною опровергнутое), нѣтъ заблужденія болѣе совращающаго слабые умы съ пути истины, какъ ложное присвоеніе животнымъ души, подобной нашей, и убѣжденіе, вслѣдствіе того, въ отсутствіи для насъ, точно такъ какъ для мухъ или муравьевъ, какихъ либо надеждъ или опасеній по окончаніи этой жизни. Напротивъ того, когда намъ извѣстно различіе между тѣми и другими душами, тогда намъ понятны доказательства того, что душа имѣетъ составъ совершенно независимый отъ тѣла, почему и неподвержена смерти

какъ тѣло, и за тѣмъ, при неизвѣстности другихъ причинъ, кромѣ смерти, могущихъ уничтожить душу, мы естественно должны прійти къ заключенію о безсмертіи души.

Шестая часть.

Прошло три года съ того времени, какъ я окончилъ сочиненіе, котораго содержаніе изложено выше, и я началъ уже его пересматривать для отдачи въ типографію, когда я узналъ, что нѣкоторыя уважаемыя мною лица, которыя имѣютъ не менѣе вліянія на мои дѣйствія, какъ и мой разумъ на мои мысли, не одобрили одного мнѣнія изъ физики, взятаго мною отъ другаго. Хотя нельзя сказать, чтобы я придерживался этого мнѣнія, но и ничего не находилъ въ немъ, прежде вышеозначеннаго неодобренія, предосудительнаго по отношенію къ религіи или къ государству, ни вообще такого, чтобы воспрепятствовало мнѣ писать объ немъ. Этотъ случай возбудилъ во мнѣ опасенія на счетъ того—нѣтъ ли, въ числѣ собственныхъ моихъ сужденій, ошибочныхъ, хотя я и особенно заботился о томъ, чтобы не допускать въ свое сочиненіе мнѣній несовершенно доказанныхъ, или для кого-либо вредныхъ. Опасенія было достаточно, чтобы измѣнить мое намѣреніе относительно печатанія книги, потому, хотя основанія, заставлявшія меня прежде предавать свое сочиненіе печати, были сильны, но природное мое нерасположеніе къ ремеслу сочинительства вызвало другія основанія, побудившія отказаться отъ печатанія. Основанія какъ за, такъ и противъ печатанія, таковы, что не только мнѣ самому интересно ихъ высказать, но можетъ быть и для читателей небезъинтересно будетъ ихъ узнать.

Я никогда не считалъ важнымъ то, что вырабатывалъ своимъ умомъ, пользуясь своею методою для рѣшенія въ

которыхъ затруднительныхъ вопросовъ изъ умозрительныхъ наукъ, а также для отысканія правилъ, которыми бы я могъ руководствоваться въ нравственномъ отношеніи. Я никогда не признавалъ для себя обязательнымъ что либо писать обо всемъ этомъ. Основаніемъ для такого взгляда послужило то, что относительно нравственности у каждаго человѣка столько имѣется свѣдѣній, что на свѣтѣ нашлось бы столько же реформаторовъ, сколько есть головъ, лишь бы позволено было каждому, кромѣ поставленныхъ отъ Бога владыкъ народовъ или вдохновенныхъ имъ пророковъ, дѣлать измѣненія въ правилахъ нравственности. Поэтому, какъ ни нравились мнѣ мои умозаключенія, я согласился, однакожъ, съ тѣмъ, что у другихъ людей могли быть иныя умозаключенія, которыя имъ нравились болѣе моихъ. Но, какъ скоро я пріобрѣлъ нѣкоторыя общія свѣдѣнія въ физикѣ, и, прилагая на опытѣ эти свѣдѣнія, замѣтилъ, какъ далеко онѣ могутъ повести и насколько отличаются отъ тѣхъ принциповъ, которыми до сего времени руководились, то призналъ молчаніе о новыхъ истинахъ за прямое преступленіе противъ нравственнаго закона, обязывающаго каждаго изъ насъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать благополучію всѣхъ людей. Я призналъ, что истины естественныхъ наукъ могутъ доставить знаніе полезное въ жизни, и что вмѣсто этой умозрительной философіи, которая преподается въ школахъ, можно найдти философію практическую, помощью которой, изучивши силу и дѣйствіе огня, воды, воздуха, звѣздъ, атмосферы и другихъ окружающихъ насъ тѣлъ, также твердо, какъ мы изучали наши простыя ремесла, мы могли бы пользоваться всѣми предметами на свѣтѣ и сдѣлались бы господами и обладателями природы. Желать этого обладанія можно не только потому, что знаніе законовъ природы поведетъ ко множеству изобрѣтеній, посредствомъ которыхъ мы будемъ безъ труда пользоваться всѣми произведеніями и удобствами земли, но въ особенности для сохраненія нашего здоровья, которое есть, безъ

сомнѣнія, первое благо и основаніе всѣхъ другихъ благъ въ этой жизни. Послѣднее вѣрно, такъ какъ самый умъ нашъ настолько зависитъ отъ темперамента и расположенія органовъ тѣла, что если можетъ существовать средство для увеличенія ума и способностей въ людяхъ, то его надобно искать нигдѣ болѣе, какъ въ медицинѣ. Правда, что извѣстная нынѣ медицина содержитъ въ себѣ очень мало такого, чтобы соотвѣтствовало пользѣ, ожидаемой отъ этой науки, но, не имѣя въ виду выказывать презрѣнія къ медицинѣ, замѣчу объ ней вмѣстѣ со всѣми медиками, что извѣстное въ означенной наукѣ ничто, въ сравненіи съ вопросами, требующими разъясненія, и что можно было бы избѣжать множества болѣзней тѣла и души, даже упадка силъ въ старости, если бы знать причины болѣзней и всѣ тѣ лекарства, которыми насъ снабдила природа. Такъ какъ я посвятилъ всю мою жизнь на отысканіе столь необходимой науки, и, какъ мнѣ кажется, нашелъ при томъ путь для изысканій, который долженъ непремѣнно привести къ успѣху, то счелъ необходимымъ, для устраненія препятствій къ этому успѣху, передавать публикѣ въ точности всѣ сдѣланныя мною открытія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я хотѣлъ пригласить способныхъ людей къ продолженію моего труда и содѣйствію успѣхамъ науки, посредствомъ произведенія опытовъ и сообщенія публикѣ всѣхъ своихъ открытій, такъ чтобы позднѣйшіе въ дѣлѣ начинали тамъ, гдѣ оканчивали работу ихъ предшественники. Такимъ образомъ, я надѣялся, что вслѣдствіе соединенія жизни и трудовъ многихъ людей, мы пойдемъ всѣ вмѣстѣ гораздо далѣе, чѣмъ каждый изъ насъ по одиночкѣ.

Относительно опытовъ, я вообще замѣтилъ, что въ нихъ тѣмъ болѣе является надобности, чѣмъ болѣе мы подвигаемся въ познаніи науки. Это происходитъ отъ того, что въ началѣ науки полезнѣе всего руководствоваться опы-

тами, само собою являющимися передъ нами и не могущими не быть намъ извѣстными (лишь бы принимать эти опыты съ разсужденіемъ), чѣмъ отыскивать явленія рѣдкія или дѣлать опыты искуственно, такъ какъ все рѣдкое и искуственное, при неизвѣстности для насъ причинъ обыкновенныхъ явленій, часто вводитъ насъ въ заблужденіе. Причины особенныхъ явленій бываютъ настолько скрыты и конкретны, что очень трудно ихъ разъискивать. Въ виду этихъ замѣчаній, я держался такого порядка въ изслѣдованіяхъ: во первыхъ, я старался отыскивать общія начала или первыя причины всего, что существуетъ или можетъ существовать на свѣтѣ, не извлекая ихъ при этимъ ни изъ какого другаго источника, кромѣ Бога сотворившаго міръ, и не руководствуясь иными соображеніями, кромѣ естественно присущихъ нашей душѣ. Затѣмъ, я разсматривалъ, каковы могли быть ближайшія и неизбѣжныя послѣдствія первыхъ причинъ, и этимъ путемъ нашелъ происхожденіе неба, звѣздъ, земли и на землѣ воды, воздуха, огня, минералловъ и нѣкоторыхъ элементовъ, простѣйшихъ и обыкновенныхъ, а потому легче другихъ познаваемыхъ. Но когда я послѣ того, хотѣлъ перейти къ подраздѣленіямъ элементовъ, то они представлялись мнѣ въ такомъ множествѣ и разнообразіи, что казалось невозможнымъ для человѣческаго ума различить извѣстные виды отъ неизвѣстныхъ, можетъ быть и существующихъ по волѣ Божіей на землѣ, а также показалось мнѣ не мыслимымъ обратить эти предметы на пользу человѣка, если только мы не станемъ изслѣдовать явленія прежде причинъ и не сдѣлаемъ множества особыхъ опытовъ. Вслѣдствіе этаго, хотя, при разсмотрѣніи всѣхъ встрѣчавшихся мнѣ предметовъ, я всегда могъ довольно удачно опредѣлять эти предметы, руководствуясь найденными мною принципами, но долженъ признаваться, въ тоже время, что область природы такъ многосложна и пространна, а принципы такъ просты и общи, что каждое

частное явленіе выводилось у меня изъ общихъ началъ различнымъ образомъ и затрудненіе состояло именно въ избраніи того способа, которымъ должно было дѣлать выводъ. И противъ этаго затрудненія я не вижу другаго средства, какъ произведеніе опытовъ, опытовъ, имѣющихъ различное вліяніе на предметъ, которые и покажутъ намъ, какимъ путемъ долженъ быть опредѣленъ предметъ. Впрочемъ, въ этой работѣ я успѣлъ понять настолько, что, какъ мнѣ кажется, могу указать для большей части необходимыхъ опытовъ тѣ вопросы, которыми должно задаваться при производствѣ испытаній, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣдился и въ томъ, что опытовъ нужно сдѣлать великое множество и на производство ихъ не хватитъ моихъ силъ, ни доходовъ, если бы послѣдніе и въ тысячу разъ увеличились. Такимъ образомъ, я рѣшился, подвигаясь впередъ въ познаніи природы, по мѣрѣ успѣха въ производствѣ опытовъ, сообщать всѣ сдѣланныя мною открытія публикѣ посредствомъ моего сочиненія, стараясь, притомъ, настолько убѣдить общество въ пользѣ изученія природы, чтобы побудить всѣхъ людей, желающихъ добра себѣ подобнымъ, т. е. людей въ самомъ дѣлѣ добродѣтельныхъ, а не лицемѣровъ, добродѣтельныхъ только на словахъ, сообщать мнѣ дѣлаемыя ими наблюденія, или помочь мнѣ въ производствѣ новыхъ опытовъ.

Въ послѣдствіи времени, однакожъ, явились причины, заставившія меня измѣнить первоначальныя мои предположенія. Я рѣшился поступить такимъ образомъ: продолжать писать обо всемъ достойномъ вниманія, по мѣрѣ дѣлаемыхъ мною открытій; послѣднія излагать съ такимъ же стараніемъ, какъ бы сочиненіе готовилось для печати, на томъ основаніи, что все, составляемое для другихъ, тщательнѣе просматривается, чѣмъ составляемое для себя только, и что нерѣдко идеи, которыя кажутся намъ вѣрными при мысленномъ обсужденіи ихъ, являются ложными,

когда мы начнемъ ихъ излагать на письмѣ. За тѣмъ, я разсудилъ, что если сочиненія мои чего нибудь стоятъ, то по смерти моей ихъ употребятъ на пользу тѣ, у которыхъ онѣ будутъ въ рукахъ. Отъ печатанія же сочиненія при жизни моей я рѣшительно отказался, имѣя въ виду избѣжать потери времени, предназначеннаго мною на обученіе самого себя, потери, которая могла послѣдовать какъ отъ полемики, такъ и отъ панегирика по поводу моего сочиненія. Хотя и справедливо, что каждый долженъ содѣйствовать благополучію другихъ людей, и что тотъ ничего не стоитъ, кто никому не полезенъ, тѣмъ не менѣе справедливо и то, что мы должны заботиться о будущемъ и имѣемъ полное право отказываться отъ доставленія нѣкоторыхъ выгодъ нашимъ современникамъ, въ виду доставленія еще большихъ выгодъ нашимъ потомкамъ. Говорю такимъ образомъ потому, что долженъ заявить читателямъ о ничтожествѣ изученнаго уже мною въ сравненіи съ тѣмъ, чего не знаю, но что надѣюсь познать. Всѣ открыватели истинъ въ наукахъ находятся въ положеніи богатѣющихъ людей, легче дѣлающихъ большія приращенія къ большому состоянію, чѣмъ прежде этимъ же людямъ удавалось дѣлать малыя приращенія къ малому состоянію. Можно также сравнивать изыскателей истины съ полководцами, у которыхъ обыкновенно силы возрастаютъ вмѣстѣ съ побѣдами и которымъ нужно гораздо болѣе употребить усилій для исправленія послѣдствій проиграннаго сраженія, чѣмъ для того, чтобы воспользоваться плодами одержанной побѣды, забирая города и области. Потому усилія, необходимыя для преодоленія трудностей и заблужденій при изысканіи истины въ самомъ дѣлѣ похожи на сраженія, и сраженія проигранныя, когда допускается ложное мнѣніе относительно вопроса нѣсколько общаго и достойнаго вниманія. И гораздо болѣе требуется въ такомъ случаѣ искуство для того, чтобы стать въ первоначальное положеніе, чѣмъ для продол-

женія быстраго движенія впередъ, на основаніи вѣрныхъ, уже пріобрѣтенныхъ данныхъ. Если я нашелъ кое какія истины въ наукѣ (а я надѣюсь, что изложенное въ этомъ томикѣ даетъ понятіе читателю о томъ, что, дѣйствительно, я кое-что нашелъ), то всѣ эти открытія признаю послѣдствіями пяти или шести главныхъ вопросовъ, мною разрѣшенныхъ, которые и считаю за столько же выигранныхъ сраженій. Позволю себѣ сказать даже, что мнѣ нужно еще выиграть такихъ же баталій двѣ или три, чтобы достигнуть совершенно предположенной мною цѣли, и что я не такъ еще старъ, чтобы опасаться недостатка времени на окончаніе труда. Но тѣмъ болѣе считаю себя обязаннымъ беречь время, которое мнѣ остается, чѣмъ болѣе имѣю надежды на полезное его употребленіе, а много бы безъ сомнѣнія я имѣлъ случаевъ терять его, если бы сдѣлалъ общеизвѣстными основанія моей физики. Это потому, что хотя по очевидности основаній моихъ довольно прочесть ихъ, чтобы согласиться съ ними, притомъ же я могу каждое изъ нихъ доказать, тѣмъ не менѣе, по невозможности согласить ихъ съ различными мнѣніями другихъ людей, предвижу, что часто буду отвлекаемъ отъ дѣла, по поводу возраженій на мои начала.

Можно бы сказать противъ всего этаго, что возраженія должны принести пользу, какъ тѣмъ, что указали бы на мои ошибки, такъ и тѣмъ, что побудили бы другихъ принять все хорошее изъ моихъ сочиненій, а это послѣднее повело бы къ усиленію знанія и привлекло бы людей къ содѣйствію моимъ трудамъ со стороны сочувствующихъ мнѣ, столь важному для успѣха. Но, хотя я и признаю себя очень способнымъ ошибаться и никогда не останавливаюсь на первыхъ мысляхъ, которыя мнѣ приходятъ въ голову, тѣмъ не менѣе опытъ научилъ меня не надѣяться на какую нибудь пользу отъ возраженій, которыхъ могу ожидать. Я уже не разъ пробовалъ

пользоваться сужденіями, какъ тѣхъ людей, которыхъ считалъ своими друзьями, какъ тѣхъ, которые ко мнѣ относятся безпристрастно, такъ и тѣхъ, наконецъ, отъ зложелательства и зависти которыхъ ожидалъ полнаго старанія открыть недостатки, укрывавшіеся отъ моихъ друзей, но рѣдко случалось мнѣ слышать возраженія, мною совершенно непредвидѣнныя, развѣ бы они были очень отдалены отъ моего предмета, и потому не случалось мнѣ встрѣчать критика для своихъ мнѣній, болѣе строгаго и придирчиваго, чѣмъ я самъ. Равнымъ образомъ, мнѣ неудавалось видѣть, чтобы посредствомъ диспутовъ, производящихся въ школахъ, когда либо открывалась истина, прежде неизвѣстная, что̀ происходитъ отъ стремленія въ каждомъ изъ диспутантовъ побѣдить своихъ противниковъ и отъ усилій ихъ придать силу правдоподобнымъ доказательствамъ, вмѣсто того, чтобы опредѣлять истинное достоинство доказательствъ. Тѣ, которые долго были хорошими адвокатами, не дѣлаются чрезъ это въ послѣдствіи хорошими судьями.

Что касается до пользы, которую другіе люди могли бы получить отъ сообщенія имъ моихъ мнѣній, то ее нельзя ставить высоко, такъ какъ эти мнѣнія далеко незаконченныя и требуютъ значительныхъ пополненій, прежде чѣмъ дать имъ практическое приложеніе. И позволю себѣ сказать безъ увлеченія, что лучше меня самого никто не можетъ опредѣлить ихъ приложенія, не потому чтобы не было на свѣтѣ умовъ много выше моего, но потому, что невозможно такъ ясно постигнуть и усвоить себѣ понятіе, полученное отъ другаго, какъ свое собственное. Справедливость этаго замѣчанія для меня доказана тѣмъ, что часто, передавая нѣкоторыя изъ своихъ мнѣній очень умнымъ людямъ, я оставался въ полномъ убѣжденіи полнаго пониманія этихъ мнѣній со стороны моихъ слушателей, но когда приходилось послѣ повѣрять

пониманіе, то я находилъ свои мнѣнія настолько измѣненными, что не могъ уже признавать ихъ за свои. По поводу этаго обстоятельства, я позволяю себѣ даже просить нашихъ внуковъ, изъ всѣхъ мнѣній, которыя мнѣ будутъ въ послѣдствіи времени приписываться, признавать за принадлежащія мнѣ только тѣ мнѣнія, которыя я самъ сдѣлаю извѣстными публикѣ. Не удивляюсь тому, что древнимъ философамъ, не оставившимъ намъ своихъ сочиненій, приписываютъ столько глупостей, и не вѣрю всѣмъ разсказамъ о странностяхъ этихъ умнѣйшихъ людей своего времени,—потому что считаю всѣ свѣдѣнія объ нихъ искаженными. При томъ едвали былъ примѣръ того, чтобы послѣдователи превзошли своего учителя, и потому полагаю, что самые страстные почитатели Аристотеля, сочли бы себя счастливыми имѣть такое же знаніе естественныхъ законовъ, какое имѣлъ этотъ философъ, и это даже при условіи, что никогда не будутъ знать ничего болѣе. Послѣдователи подобны плющу, который не только не стремится подняться выше поддерживающаго его дерева, но часто даже опять спускается внизъ, послѣ того какъ достигнулъ вершины, т. е. господа послѣдователи теряютъ въ позναніяхъ оттого, что продолжаютъ изучать то, что безтолково изложено ихъ учителемъ, и отыскиваютъ въ его твореніяхъ то, о чемъ ихъ великій учитель никогда и не помышлялъ. Во всякомъ случаѣ, способъ философствованія этихъ господъ очень удобенъ для ограниченныхъ умовъ, потому что темнота различій и принциповъ, полагаемыхъ ими въ основаніе сужденій, даетъ возможность говорить смѣло обо всемъ, какъ бы имъ совершенно извѣстномъ, и упорно спорить, не склоняясь ни накакія убѣжденія умнѣйшихъ и способнѣйшихъ людей. Послѣдователи подобны въ этомъ случаѣ слѣпому, который для того чтобы подраться при выгоднѣйшихъ условіяхъ съ человѣкомъ зрячимъ, пригласилъ бы послѣдняго въ совершенно темный погребъ, и

я скажу, что г.г. такого сорта одобрятъ мою рѣшимость не печатать своихъ произведеній, такъ какъ, въ виду малоумія означенныхъ господъ, печатая мои сочиненія, я походилъ бы на человѣка, открывающаго окна въ томъ темномъ подвалѣ, гдѣ они сражаются съ зрячими. Но не только такіе господа, и люди поумнѣе ихъ, не имѣютъ надобности знакомиться съ моими сочиненіями, потому что если кто желаетъ научиться говорить обо всемъ и пріобрѣсти названіе ученаго, тому удобнѣе ограничиться изученіемъ правдоподобнаго, легко отыскиваемаго по всѣмъ вопросамъ, чѣмъ трудиться надъ немногими, не легко достигаемыми истинами, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ, когда дѣло доходитъ до неразобранныхъ еще вопросовъ, сознаваться въ своемъ невѣжествѣ. Если же, напротивъ того, умные люди предпочтутъ познаніе немногихъ истинъ всестороннему мнимому знанію, (что, впрочемъ, и справедливо) и захотятъ добиваться тѣхъ же цѣлей, какихъ и я, то для такихъ людей довольно и высказаннаго мною въ настоящемъ разсужденіи. Умные люди, способные пройти въ наукахъ далѣе меня, легко найдутъ все то, что мною найдено (или предполагается найденнымъ), такъ какъ при послѣдовательности моихъ изысканій, надобно считать все еще неоткрытое мною болѣе труднымъ и скрытымъ, чѣмъ то, что уже мною открыто. Этимъ людямъ менѣе было бы удовольствія узнать начала отъ меня, чѣмъ самимъ ихъ открыть, и, кромѣ того, они, переходя отъ понятій легкихъ къ болѣе труднымъ, пріобрѣтутъ навыкъ дѣлать открытія, болѣе полезныя, чѣмъ всѣ мои наставленія. Такъ я думаю про себя, что если бы всѣ тѣ истины, надъ доказательствомъ которыхъ столько потрудился, были переданы мнѣ въ юношествѣ и пріобрѣтены мною безъ особеннаго труда, то я, вѣроятно, ничего бы болѣе не узналъ, или, покрайней мѣрѣ, не пріобрѣлъ бы того навыка въ отысканіи новыхъ истинъ, который, какъ мнѣ кажется, я теперь имѣю. Однимъ словомъ—если есть на свѣтѣ про-

изведеніе такого рода, которое удобнѣе всего приводится къ окончанію тѣмъ же лицомъ, которымъ и начато, такъ это то, надъ которымъ я тружусь.

Что касается до опытовъ, необходимыхъ для развитія познаній, то надобно согласиться съ тѣмъ, что для этаго недостаточно силъ одного человѣка. Но, при производствѣ опытовъ, ученый долженъ или дѣйствовать самъ, или поручить опыты ремесленникамъ, т. е. вообще людямъ, которымъ можно заплатить за трудъ, такъ какъ ожиданіе награды скорѣе всего заставитъ исполнителей точно слѣдовать указаніямъ ученаго. Напротивъ того, любители, которые изъ любопытства или желанія научиться могутъ предложить свои услуги, вовсе ненадежны, такъ какъ они обыкновенно болѣе обѣщаютъ, чѣмъ исполняютъ, или составляютъ неудобоисполнимые проэкты, кромѣ того, что этимъ господамъ надобно во всякомъ случаѣ платить за хлопоты—истолкованіемъ какихъ либо трудностей, или похвалами, или безполезными разговорами, составляющими для ученаго невознаградимую потерю времени. При томъ, если любители и захотятъ сообщить ученому результаты своихъ опытовъ (чего не сдѣлаютъ всѣ тѣ, которые считаютъ научныя данныя за секреты), то ученый найдетъ въ большей части любительскихъ трудовъ столько лишняго и безполезнаго, что не скоро извлечетъ изъ нихъ какое нибудь полезное свѣдѣніе, не считая того, что самое изложеніе результатовъ обыкновенно оказывается настолько темнымъ или даже ложнымъ (вслѣдствіе стремленія производящихъ опыты подвести результаты ихъ подъ свою собственную систему), что выборъ полезнаго изъ хаоса данныхъ не будетъ стоить потраченнаго на то времени. Такимъ образомъ, если бы нашелся человѣкъ на свѣтѣ, относительно котораго всѣ были бы увѣрены, что онъ способенъ сдѣлать самыя важныя и полезныя открытія для общества, то желая

доставить такому человѣку возможное содѣйствіе, общество не нашло бы для того инаго средства, какъ принявъ на себя издержки, необходимыя на производство опытовъ, и обезпечивъ спокойствіе ученаго отъ докучливыхъ людей. Переходя къ самому себѣ, скажу, что я никогда не думалъ о себѣ такъ высоко, чтобы обѣщать обществу что либо особенное, и никогда не былъ настолько тщеславенъ, чтобы ожидать особеннаго вниманія публики къ своимъ предпріятіямъ, а потому, какъ человѣкъ не низкой души, никогда не приму отъ общества подобныхъ милостей, такъ какъ въ заслуженности ихъ можно сомнѣваться.

Всѣ вышеизложенныя основанія вмѣстѣ были причиною того, что я назадъ тому три года, не только рѣшительно отказался отъ печатанія своего совсѣмъ уже оконченнаго трактата, но не хотѣлъ даже, чтобы извѣстно было, пока я живъ, что нибудь или изъ моихъ общихъ сужденій, или изъ моихъ особенныхъ воззрѣній на начала физики. Но потомъ нашлись двѣ причины, заставившія меня набросать въ настоящемъ сочиненіи очеркъ моихъ трудовъ и предположеній. Первою причиною было то, что изъ моего молчанія всѣ тѣ люди, которымъ извѣстно было мое прежнее намѣреніе печатать свои сочиненія, могли бы ошибочно вывести заключенія, не выгодныя для меня. Хотя я не одержимъ чрезмѣрнымъ славолюбіемъ, или даже не терплю славы, какъ скоро она нарушаетъ мой покой, цѣнимый мною выше всего, тѣмъ не менѣе, я никогда не старался скрывать своихъ дѣйствій, какъ бы преступленія, и не принималъ особенныхъ мѣръ, чтобы оставаться въ неизвѣстности, потому что и это послѣднее обстоятельство, какъ не совѣмъ справедливое по отношенію ко мнѣ, тоже могло нарушать мое душевное спокойствіе. Принимая за тѣмъ во вниманіе, что при всемъ равнодушіи моемъ къ славѣ, я успѣлъ такъ пріобрѣсти нѣкото-

рую извѣстность, что счелъ себя въ правѣ позаботиться о томъ, чтобы эта извѣстность была не дурнаго свойства. Другая причина, заставившая меня написать настоящее сочиненіе была та: все болѣе и болѣе убѣждаясь въ необходимости помощи со стороны другихъ для производства тѣхъ опытовъ, безъ которыхъ дальнѣйшіе успѣхи въ наукахъ невозможны, я не захотѣлъ, при всей неувѣренности моей относительно сочувствія общества къ моимъ трудамъ, остаться передъ самимъ собою виноватымъ, и даже дать право другимъ упрекать себя въ томъ, что могъ бы далѣе подвинуть науку, если бы не пренебрегъ сообщить другимъ о томъ, въ какой именно нуждаюсь помощи.

Я подумалъ при томъ, что совершенно возможно избрать для моего очерка такіе вопросы, которые, не подавая повода къ большимъ спорамъ и не обязывая меня высказывать свои мнѣнія, болѣе чѣмъ я того желаю, покажутъ, однакожъ, насколько могу или не могу подвинуть науку. Не знаю, успѣлъ ли я въ этомъ, и не желаю настоящимъ разсужденіемъ предупреждать чужихъ мнѣній, но очень буду доволенъ, если мои сочиненія подвергнутъ разбору. Для большаго же удобства въ этомъ послѣднемъ отношеніи, прошу всѣхъ тѣхъ, которые захотятъ меня почтить своими возраженіями, посылать ихъ на имя моего книгопродавца, я же, съ своей стороны, не замедлю прилагать къ возраженіямъ мои отвѣты. Этимъ способомъ, при удобствѣ сличить возраженія съ объясненіями, читателямъ легко будетъ находить истину, тѣмъ болѣе, что длинныхъ отвѣтовъ я давать не намѣренъ, но ограничусь, или прямымъ сознаніемъ въ ошибкѣ, или защитою моего мнѣнія, не касаясь никакихъ постороннихъ вопросовъ, чтобы не ввязаться въ безконечные споры.

Если нѣкоторымъ не нравится названіе предположеній,

данное мною извѣстнымъ началамъ въ моей Діоптрикѣ и Метеорахъ, и то, что я какъ будто не желалъ доказывать означенныя начала, то прошу дочитывать до конца означенную книгу, чтобы судить объ ней вѣрнѣе. Въ этомъ сочиненіи, какъ мнѣ кажется, всѣ данныя поставлены въ такой между собою связи, что послѣдніе выводы доказываются начальными данными—какъ причинами, а начальныя данныя, наоборотъ, доказываются послѣдними выводами—какъ ихъ послѣдствіями. Не должно думать, чтобы при такой системѣ доказательствъ я сдѣлалъ ошибку, называемую въ логикѣ кругомъ въ доказательствахъ; такой ошибки нѣтъ, потому что большая часть послѣднихъ выводовъ, т. е. явленій матеріальныхъ, опытомъ вполнѣ доказывается, и причины, изъ которыхъ я вывожу эти явленія, служатъ не для доказательства послѣднихъ, а только для объясненія ихъ. Причины мои ничего не доказываютъ, а сами доказываются явленіями, и если я ихъ назвалъ предположеніями, то только съ цѣлью указать на возможность вывести эти причины изъ вышеизложенныхъ первоначальныхъ истинъ. Почему же я не выразилъ ясно послѣднюю мою мысль, то это произошло вслѣдствіе опасеній съ моей стороны, чтобы люди, которые увѣрены въ своей способности понимать въ одинъ день то, о чемъ другой думалъ двадцать лѣтъ, лишь бы имъ сказано было два или три слова, и которые тѣмъ болѣе ошибаются и тѣмъ менѣе способны постигать истину, чѣмъ бываютъ поспѣшнѣе въ своихъ сужденіяхъ, чтобы такіе люди не нашли повода сочинить какую нибудь безумную философскую систему и приписать ее мнѣ. Я не прошу этимъ замѣчаніемъ снисхожденія къ дѣйствительнымъ своимъ мнѣніямъ, какъ къ мнѣніямъ новымъ, потому что надѣюсь, если обратятъ должное вниманіе на основанія моихъ сужденій, то ихъ найдутъ самыми простыми, незатѣйливыми и наиболѣе согласными съ здравымъ смысломъ, изъ всѣхъ встрѣчающихся сужденій по

тѣмъ же вопросамъ; равнымъ образомъ я не считаю себя первымъ изобрѣтателемъ какихъ либо мнѣній, но хвалюсь тѣмъ, что никогда не принималъ чего-либо единственно потому, что мнѣніе кѣмъ нибудь высказано, или потому, что оно кѣмъ нибудь не высказано, а принималъ сужденія исключительно потому, что убѣждался разумомъ въ ихъ истинѣ.

Я не думаю, чтобы мою „Діоптрику" можно было признать дурною за то только, что ремесленники не могутъ тотчасъ привести въ исполненіе изобрѣтенія, которое въ ней изложено. Нужно имѣть навыкъ и знаніе, чтобы сдѣлать и уладить машину, совершенно согласно съ моимъ описаніемъ такъ, что если-бы ремесленники имѣли съ перваго разу удачи, то я не менѣе бы удивился этому, какъ и тому, что кто нибудь въ одинъ день выучился играть на лютнѣ вслѣдствіе того только, что ему дали хорошія ноты. Наконецъ, меня осуждаютъ за употребленіе въ своихъ сочиненіяхъ народнаго языка французскаго, а не языка моихъ учителей—латинскаго. Но я дѣлаю такъ потому, что надѣюсь лучшаго суда относительно моихъ идей отъ тѣхъ людей, которые руководствуются исключительно своимъ здравымъ смысломъ, чѣмъ отъ тѣхъ, которые вѣрятъ однимъ книгамъ древнихъ; люди же, соединяющіе въ себѣ здравый смыслъ съ познаніями, единственные судьи, которыхъ бы я желалъ имѣть, навѣрное не настолько пристрастны къ латыни, чтобы отвергнуть мои доказательства за одно изложеніе ихъ на народномъ языкѣ.

Впрочемъ, не желая въ этомъ сочиненіи похваляться чѣмъ нибудь не вполнѣ вѣрнымъ относительно моихъ надеждъ на открытія въ наукахъ, я позволю себѣ только объяснить обществу, что рѣшился посвятить весь остатокъ моей жизни на такія изслѣдованія природы, которыя доставили бы для медицины болѣе вѣрныя основанія, чѣмъ тѣ, какими она пользуется. Кромѣ того, объясню, что мои

природныя наклонности настолько отвращают меня отъ всякихъ другихъ ученыхъ трудовъ, въ особенности отъ тѣхъ, которые не могутъ принести пользы однимъ людямъ не повредивши другимъ, что если бы случай заставилъ меня работать въ этомъ послѣднемъ родѣ, то, полагаю, я оказался бы къ дѣлу не способенъ. Обовсемъ этомъ торжественно заявляю, сознавая вполнѣ, что это не придастъ мнѣ значенія въ свѣтѣ, чего, впрочемъ, и не желаю. Я всегда буду считать себя болѣе обязаннымъ тѣмъ, которые обеспечатъ свободу моихъ занятій, чѣмъ тѣмъ, которые доставили бы мнѣ самыя почетныя должности на земномъ шарѣ.

